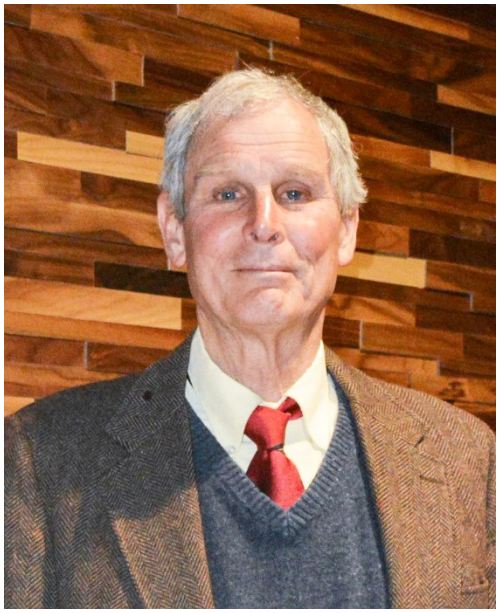
К О Н Т Р Р Е В О Л Ю Ц И Я 1 9 9 3. Э П И Л О Г

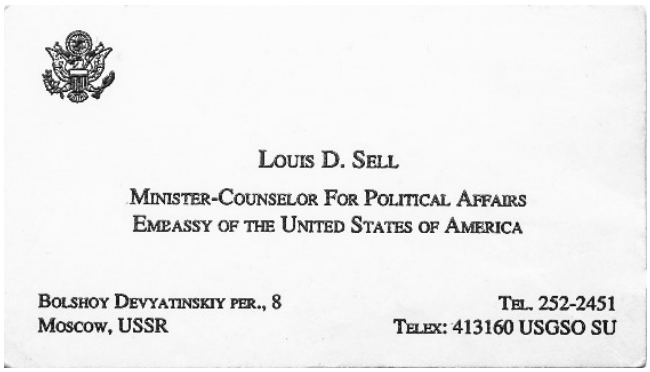
3 0 л е т с п у с т я

(глава из «Прощальных мемуаров советского журналиста»

Ионы Андронова)



Луис Сел



LOUIS D. SELL

MINISTER-COUNSELOR FOR POLITICAL AFFAIRS
EMBASSY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

BOLSHOY DEVYATINSKIY PER., 8
MOSCOW, USSR

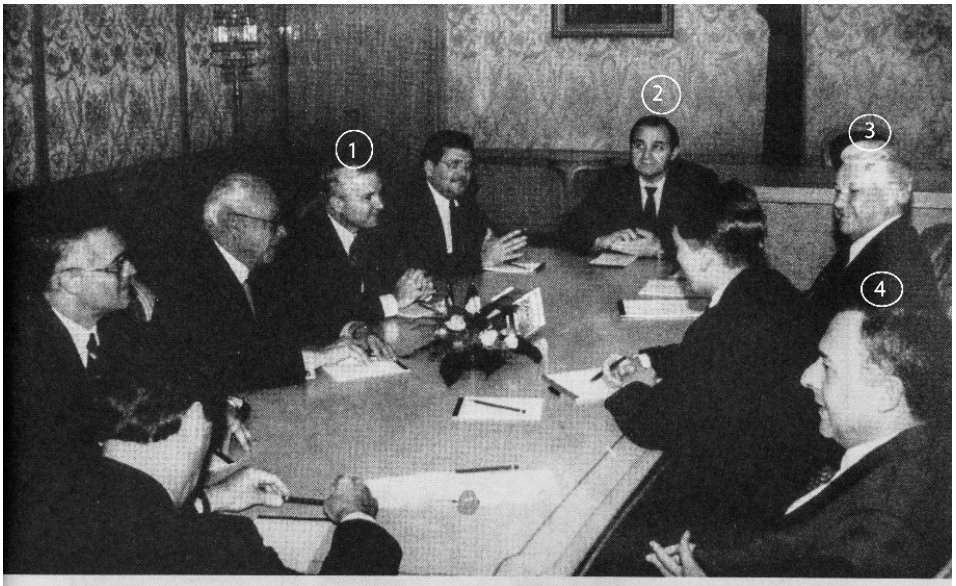
TEL. 252-2451
TELEX: 413160 USGSO SU

– * –

Роковой московской ночью с 3-го на 4-е октября 1993 года, накануне утреннего бронетанкового штурма парламента России в столичном «Белом доме», я понадеялся избежать кровопролития и ради этого посетил в посольстве США посланника Луиса Села. Он был в действительности главным резидентом здесь Центрального разведуправления США.

Профессиональный Spy и антисоветчик, как ни удивительно, посодействовал мне, но безуспешно. Потом я опять не раз общался с ним уже как бы приятельски, а перед служебным отбытием Села отсюда подарил ему на память старинную иконку Богоматери с младенцем Иисусом. И обещал по просьбе Села разгласить, быть может, его имя в прессе только тогда, когда он покинет навсегда Россию.

Начальник Села – вашингтонский директор ЦРУ Роберт Гэйтс – прилетел в Москву еще годом ранее, за месяц до первой попытки российского президента Ельцина в ту пору разогнать наш парламент и стать самодержцем. Об этом, по словам Гэйтса, они с Ельциным в Кремле «обсудили все на будущее». Отнюдь не секретно. Пригласили даже фотожурналистов. Запечатлели почти царские почести американскому супершпиону:



In October 1992, I met with President Yeltsin in the Kremlin. We discussed both the past and the future. There were a lot of ghosts in the room, on both sides.

На фото: №1. Роберт Гейтс.

№2. Министр госбезопасности РФ Виктор Баранников.

№3. Борис Ельцин.

№4. Министр иностранных дел РФ Андрей Козырев.

Три веселых друга директора ЦРУ Гэйтса (он слева): Ельцин, Баранников (контрразведка РФ), директор Службы внешней разведки РФ Евгений Примаков.
Октябрь 1992. Москва. Кремль.

После братания в Кремле с директором ЦРУ Ельцин распорядился устроить банкет для Гэйтса в недоступном прежде для чужих шпиков центральном штабе Службы внешней разведки РФ. Вот как об этом поведал потом Гэйтс в его мемуарной книге «From the Shadows»:

«Во время моего визита в Россию я посетил Ясенево – загородный московский штаб внешней разведки, бывшего Первого главного

управления КГБ. Там многие офицеры КГБ стояли у окон, рассматривая автокортеж прибывшего к ним их долголетнего главного врага. Теперь же предводители-ветераны КГБ встретили супостата из ЦРУ угощением вином и тостами. Я мог лишь строить догадки – что было на уме у этих КГБешников».

Перед отлетом из Москвы директор ЦРУ пригласил аккредитованных тут западных журналистов на встречу с ним… на Красной площади! На ней он перед кучкой корреспондентов раскупорил бутылку шампанского, промаршировал по брусчатке парадным шагом и объявил:

– Здесь на этой площади возле Кремля и Мавзолея я совершаю одиночный парад победы! Ведь это мы замышляли взорвать советскую державу изнутри.

Столь эксцентричный поступок Гэйтса был, пожалуй, наредкость единственным за 28 лет его агентурной службы в ЦРУ. Соответственно он озаглавил после отставки свои мемуары – «Из тени». Тем не менее он разоткровенничался о тайных операциях ЦРУ в годы американо-советской «холодной» войны: Гэйтс подстрекал в СССР политических диссидентов, инспирировал в советских нацреспубликах местных сепаратистов. В итоге и впрямь он вроде бы оказался победителем?

Подобным образом немного разоткровенничался и его сотрудник Луис Сел тоже после отставки и через 23 года после моего с ним знакомства. В его мемуарах 2016 года «From Washington to Moscow» он, якобы солидный дипломат, больше не скрывает своих нелегальных авантюр в Москве:

«В конце 70-х годов я был вовлечен в распространение самого значительного «самиздата» в истории СССР – «Хроники текущих событий». Это была правозащитная сводка каждые два месяца об актах репрессий по всей стране. «Хроника» циркулировала подпольно в Москве, Ленинграде и доставлялась в другие города тайными курьерами.

Советские власти старались уничтожить «Хронику». Любого пойманного ее читателя подвергали допросами и аресту. Игра в кошки-мышки.

Сразу вслед за изготовлением свежего текста «Хроники» меня извещал о том один из ее авторов. Мы встречались в какой-либо закусочной, заполненной едоками. В толчее и полутумане от влажно-потной одежды, как я надеялся, можно уберечься от слежки. Напарник молчком вручал мне конверт с копией оригинала новой «Хроники». Таким способом она появлялась заграницей и публиковалась на русском языке и на английском».

В Вашингтоне директорат ЦРУ занимался размножением русскоязычных посылок от Села в форме брошюрок карманного размера на тончайшей бумаге и контрабандировал их Back to the USSR.

Между тем Сел переправлял начальству не только запретную «Хронику»:

«На исходе 70-х годов я был связующим контактом между нашим посольством и академиком Андреем Сахаровым. Мы общались неоднократно. Под конец он сказал мне однажды, что советские власти намерены расправиться с ним. Что он ожидает ареста в любой момент. Он достал из его старого кожаного портфеля пакет, обернутый в коричневую бумагу. Сахаров сказал, что пишет мемуары. И обеспокоен тем, что КГБ может захватить рукопись. Он показал несколько исписанных им блокнотов. Он попросил помочь вывести это из СССР. В январе 1980 его сослали в Горький».

Даже после исчезновения Советского Союза высокопоставленный американский будто бы дипломат Сел не прекратил злокозничать:

«На протяжении 1991-94 годов я был основным контактером с мятежными чеченцами, которые провозгласили независимость осенью 1991 года и затем три года обороняли фактически сепаратный регион. Я

посещал Чечню не раз для встреч с самостийным президентом Джохаром Дудаевым и прочими лидерами. Чеченцы хотели, чтобы их признали Соединенные Штаты каким-то образом».

За полгода до чеченских интриг Села он стал соучастником крупных демаршей московского посольства США во время трехдневного путча ГКЧП в августе 1991 года:

«В первый день путча штабисты Ельцина попросили и.о. посла США Джима Коллинза пожаловать к ним в «Белый дом». Коллинз приехал туда напоказ в массивном черном кадиллаке с развевавшимся американским флагом над капотом. Внутри «Белого дома» соратники Ельцина дали Коллинзу послание для передачи в Вашингтон: «Ельцин надеется, что Соединенные Штаты поддержат легитимное правительство России и не посодействуют путчистам». Коллинзу сообщили, что русский министр иностранных дел Козырев командирован в Брюссель с заданием учредить российское правительство в изгнании, если это будет необходимо. Козырев наладил связь с государственным секретарем США Джеймсом Бэйкером».

В Вашингтоне, по свидетельству Села, директор ЦРУ Гэйтс убедил президента США Джорджа Буша срочно высказать публично поддержку Ельцину. Буш это сделал и вдобавок позвонил лично Ельцину в московский «Белый дом», похвалив того за «храбрость и добросовестность». В ответ Ельцин, видать, не импульсивно в декабре того же года позвонил Бушу из белорусской Беловежской Пущи и доложил о своем убийстве Советского Союза.

Сел также засвидетельствовал:

«Дипломаты нашего посольства принялись часто приходить в «Белый дом» и встречаться со штабистами Ельцина. Александр Коржаков, главный телохранитель Ельцина, написал в своихего

мемуарах, что американское посольство телефонировало предложение Ельцину предоставить ему убежище в крайнем случае. О том предложении убежища упомянул и Ельцин в его мемуарах. Уважаемый репортер-расследователь Сеймур Хёрш установил, что разведслужба США начала помогать Ельцину за месяцы до путча. А после путча президент Буш приказал предоставить Ельцину спецаппаратуру для разведывательных акций». (Seymour Hersh. Atlantic Monthly, the USA, June 1994).

Когда 20 марта 1993 года Ельцин предпринял свою вторую попытку госпереворота – объявил, что «съездов народных депутатов не будет» и он учредит «новую Конституцию», то в ответ спустя пять дней чрезвычайный съезд народных депутатов России собрался для импичмента Ельцину – отрешения от президентской власти. Одновременно в Вашингтоне возник тоже чрезвычайный и малоизвестный проект спасения Ельцина.

Это разгласила в 1998 году политическая консультантка экс-президента США Ричарда Никсона активистка республиканской партии Моника Кроули в ее мемуарах «Nixon in Winter»:

«Никсон был в шоке, когда узнал, что внутри нашей верховной администрации обсуждают идею отправки американских войск в Москву для поддержки правительства Ельцина. Никсон растревожился: «Ради Бога, нельзя отправлять американские войска в Россию! У них крупные вооруженные силы. В прошлом мы ополчились против большевиков и потерпели фиаско. Нельзя засылать туда иностранных военных. У Ельцина и так адские проблемы с твердокаменными противниками. Да они прикончат его, если заклеймят продавшимся Западу!»

При сем давний антикоммунист Никсон, как цитирует его Моника Кроули, называл российских оппонентов Ельцина «старобуйными коммунистами» и «ублюдками».

В первый день чрезвычайного 9-го съезда народных депутатов РФ я смог 26 марта ознакомить коллег-законодателей с прочими фактами вашингтонской причастности к путчизму Ельцина:

– Уважаемые товарищи! К сожалению, вы все глубоко заблуждаетесь, если считаете, что сейчас тут, в Кремле, находятся все главные участники обсуждаемого нами политического кризиса. Я имею в виду председателя Верховного Совета, премьер-министра, председателя Конституционного суда и нас, депутатов. Дело в том, что есть еще одна сторона, которая здесь отсутствует, но от которой очень многое зависит в рассматриваемой нами проблеме. И позвольте об этом вас информировать.

Москва. Кремль 26.03.1993. Выступает Иона Андронов

– Ровно две недели назад, 12 марта, представитель государственного департамента США Ричард Баучер сообщил, что министр иностранных дел РФ Андрей Козырев разговаривал с госсекретарем США Уорреном Кристофером о «борьбе Ельцина против его консервативных оппонентов». И госсекретарь США просил передать президенту России, что его действия одобряются правительством Соединенных Штатов. То же самое спешно заявил в тот же день президент США Билл Клинтон.

Так что же конкретно было одобрено у нас в стране правительством США? Вот вам дословное заявление об этом представителя администрации президента Клинтона: «Если Ельцин приостановит деятельность антидемократического парламента, то это нельзя обязательно считать антидемократическом актом. Мы не прервем автоматически отношения с Россией, не отменим встречу на высшем уровне с Ельциным, не заморозим программу помощи из-за введения в Москве президентского правления и приостановки деятельности парламента».

Это было заявлено в Вашингтоне за неделю до обращения нашего президента 20 марта, когда он, по сути, приостановил деятельность российского парламента и съезда народных депутатов, и ввел, по существу, президентское правление, – то, что он назвал режимом особого управления.

До этого его обращения нам говорили целую неделю, что президент обдумывает, президент ищет выход, президент обсуждает со своими советниками, как лучше выйти из положения. А вот в Вашингтоне всю прошлую неделю уже публично объявляли о том, что они одобряют происходящее у нас и то, что в дальнейшем сказал президент.

13 марта президент Клинтон открыто призвал к максимальной поддержке Ельцина и сказал: «Это, как я полагаю, в высшей степени в интересах Америки».

23 марта президент Клинтон, устроив пресс-конференцию, публично одобрил обращение президента Ельцина от 20 марта.

По этому поводу я, как гражданин России, испытываю глубочайшее чувство унижения и заявляю, что все это не результат случайной ошибочной политики нашего президента. Нет, это не случайная его ошибка. Это внешнеполитический курс, куда вошло и фактическое предательство наших соотечественников – 25 миллионов русских и русскоязычных, находящихся за пределами Российской Федерации. Отсюда и потворство территориальным претензиям Японии на наш российский Дальний Восток…

Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов:

– Заканчивайте, Иона Ионович.

Депутат Андронов:

– Заканчиваю. Министр иностранных дел России Козырев сказал: «Те, кто выступают против президента Бориса Ельцина, – это карлики, которые идут против собственного народа». В общем, здесь половина, по крайней мере, это карлики, которые идут против собственного народа. Он обзывает также многих из нас красно-коричневыми.

Ни в одной нормальной стране министр иностранных дел не влезает во внутренние дела, не выносит их на международную арену, не агитирует там, как это делает Козырев, против части собственного народа.

Товарищи, чем бы ни завершилось наше сегодняшнее заседание, к какому бы решению мы ни пришли, с этим предательством государственных, национальных интересов России надо кончать. Если

сегодня или завтра президент не уберет этого его предателя-министра, я буду голосовать за импичмент. Спасибо. (Аплодисменты).

Еще полтора десятка депутатов призвали съезд проголосовать за импичмент президента Ельцина. Однако сместить его, соблюдая тогдашнюю законную Конституцию, можно было только двумя третями голосов всех депутатов. 28 марта проголосовали за импичмент 617 депутатов. Против – 268. Для свержения Ельцина не хватило 72 депутатских голоса.

Во время голосования Ельцин вне Кремля выступил на уличном митинге его поклонников возле храма Василия Блаженного. Он воскликнул:

– Судьбу России не дано решать шести сотням депутатов! Я им не подчинюсь!

«Даже если бы импичмент состоялся, президент бы власть не отдал», – констатировал достоверно четыре года спустя бывший начальник Службы безопасности президента Ельцина генерал Александр Коржаков в мемуарной книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката»:

«22 марта Ельцин вызвал коменданта Кремля генерала Барсукова:

– Продумайте план действий, если вдруг придется арестовывать съезд.

Президент получил план через сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов из Кремля. Им бы отключили свет, воду, тепло, канализацию. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином – химическим веществом раздражающего действия. Офицеры, занявшие места на балконах, готов были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал заранее, с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы автобусы.

Борис Николаевич утвердил план без колебаний».

Второй раунд битвы Ельцина против парламента закончился вничью. Кратковременно.

2 сентября 1993 года президент США Клинтон получил от директора ЦРУ раскодированную шифрограмму московской резидентуры ЦРУ из американского посольства. Оттуда сообщили, что Ельцин сговорился с командирами дислоцированных в Подмосковье дивизий бронетанковых войск, ВДВ, гарнизонов внутренних войск МВД и совершит военный переворот в ближайшее время.

Так и произошло 21 сентября. А 30 сентября мне, председателю Комитета по международным делам Верховного Совета России, пришлось пообщаться впервой с разведпосланником посольства США мистером Селом.

Накануне расстрела парламента

30 сентября парламентский «Белый дом» уже был окольцован по приказу Ельцина колючей проволокой Бруно и шеренгами солдат внутренних войск с автоматами Калашникова и дубинками. Нам, блокадникам, отключили электричество, водопровод, телефоны, подвоз продуктов, даже канализацию.

Немало депутатов разбежалось. Некоторые переметнулись к Ельцину, за что сразу же получили два миллиона рублей наличными каждому, доходную должность в правящей иерархии, личную приватизацию служебной шикарной квартиры.

Зато несколько сотен рядовых сторонников парламента стали его круглосуточными защитниками, соорудив у стен «Белого дома» партизанские баррикады из досок, арматуры, булыжников, мешков с песком.

В осеннюю непогоду баррикадники грелись у костров, а по ночам их впускали в фойе первого этажа «Белого дома», где они отлеживались прямо на полу вповалку. И возникли у них всякие хвори. Простуда, головная боль, сердечный криз, вывихи, сильные ушибы.

Потребовались медикаменты, перевязочные средства, болеутоляющие и противошоковые лекарства. Но оцепившее «Белый дом» войско не пропускало к нам врачей и санитаров с лечебными препаратами скорой авто-медпомощи.

30 сентября сердечный приступ сразил насмерть пожилого баррикадника. И тогда я предложил председателю парламента Руслану Хасбулатову позволить мне попытаться выручить от его имени самых немощных: попросить московского посла США проявить гуманность и понудить его сообщника Ельцина пощадить своих больных сограждан.

Хасбулатов согласился и дал мне коробчатый радиотелефон. Я позвонил в американское посольство, но тут же был оглушен какофонией пронзительного свиста, скрежета, стука. Радиоперехват! В те дни в столичном радиоэфире ельцинисты глушили вообще все сказанное на русском языке из «Белого дома».

А вот по-английски радиовещали без помех, как я подметил, американские журналисты в холле второго этажа «Белого дома». Их пропускали сюда беспрепятственно окружившие нас вояки. Они отгоняли от резиденции парламента российских журналистов и лупили дубинками всех, кто порывался примкнуть к баррикадникам. Только американский паспорт был вездеходом.

Корреспондент американской телекомпании Эй-би-си одолжил мне радиотелефон для обращения по-английски в посольство США. Телевизионщику хотелось послушать – зачем я звоню туда?

Я сказал ответившей из посольства американке, что прошу соединить с послом Томасом Пикерингом. Назвал мое имя, местопребывание, парламентскую должность. После паузы она сообщила, что со мной побеседует посланник Луис Сел. Он подключился и пояснил свой статус – «номер два в посольстве».

Общеизвестно: в большинстве посольств «номер два» – глава разведрезидентуры.

– Что вы хотите от нашего посольства? – спросил Сел.

– Вразумите кремлевские власти разблокировать доставку в «Белый дом» лекарств и предметов сангигиены.

– Кто их сможет доставить?

– Можно обратиться к московской миссии Международного Красного Креста и некоторым благотворительным фондам, получающим ваши американские дотации. Все это я хотел бы обсудить с вами в посольстве.

– Приходите. Но есть встречная просьба. Возникли тревожные сведения о том, что из «Белого дома» якобы возможно нападение на наше посольство. А ведь в посольстве находятся наши жены и дети. Так давайте обдумаем взаимопомощь. Передайте руководству парламента о нашей озабоченности.

– Обязательно передам. И уверяю, что никто у нас не помышляет напасть на ваше посольство.

– Спасибо.

Их посольство по соседству с «Белым домом» отделяла от нас лишь неширокая Конюшковская улица.

Тревожное обращение Села я немедленно передал Хасбулатову и двум избранным Верховным Советом новым «силовым министрам» госбезопасности и милиции. Все они обещали полностью обезопасить американских соседей от воинственных вылазок с нашей стороны каких-нибудь провокаторов.

По радиотелефону Эй-би-си я опять позвонил Селу:

– Спикер парламента Хасбулатов и наши министры официально заверяют ваше посольство в отсутствии какой-либо опасности для вас со стороны «Белого дома». Приняты необходимые меры для пресечения случайной выходки любого экстремиста против ваших дипломатов и их семей.

Сел еще раз поблагодарил.

Однако встретиться с ним в посольстве для доставки нам медпомощи я не смог, уткнувшись на Конюшковой улице в шеренгу автоматчиков Ельцина. Пререкался с ними больше часа впустую. Не пропускали. Держались враждебно и хамовато. От них попахивало водкой. Один, особенно наглый, курил американские «Мальборо» и старался выдохнуть струю дыма с алкогольным перегаром прямо мне в лицо.

Наконец из-за их спин появился сине-мундирный толстяк с погонами полковника. Он взглянул на мое депутатское удостоверение и ухмыльнулся:

– Есть приказ из штаба пропустить Андронова, но обратно не пускать.

Впоследствии я разузнал, что главным саботажником медпомощи защитникам парламента был шеф президентской администрации Ельцина депутат-перебежчик Сергей Филатов. Он же рекомендовал Ельцину применить против нас новейшее оружие массового поражения – квантовый генератор лазерных лучей, способных ослепить надолго скопище протестантов. До этого, слава Богу, не дошло.

Три дня спустя Конюшковская улица была разблокирована. Каким образом – об этом было уже не раз рассказано ранее. Поэтому напомню очень лаконично.

За две недели ельцинской осады парламента возмущение множества москвичей достигло такого накала, что они устроили крупный митинг протеста 3 октября на Калужской площади. Скопилось там свыше 30 тысяч манифестантов. Принялись скандировать: «Вперед, к Белому дому!»

Двинулись с площади к Крымскому мосту через Москву-реку. Им преградили путь возле моста три шеренги солдат в касках, с дубинками и большими металлическими щитами. Толпа демонстрантов атаковала солдат камнями и врукопашную. Солдаты поначалу отбивались, но вскоре отпрянули, побросали свои железки и дубинки, разбежались. Победоносные бунтари хлынули на проспект Садового кольца.

Они разметали еще две военные заставы на Зубовской и Смоленской площадях и прорвались к «Белому дому». Его окружавшие автоматчики куда-то ретировались. Наши освободители заполнили площадь перед тыльным фасадом «Белого дома». Мы обнимались с ними, благодарили, все ликовали.

Как вдруг возник на парадном широком балконе «Белого дома» генерал ВВС Александр Руцкой с мощным громкоговорителем.

Еще недавно Руцкой был вице-президентом Ельцина, но тот выгнал его из Кремля за самовольное критиканство ельцинских министров. Руцкого приютил у нас в парламенте председатель Верховного Совета Хасбулатов и помог ему заполучить временную должность и.о. президента России взамен путчиста Ельцина, низложенного Конституционным судом РФ и 10-м предсмертным съездом народных депутатов.

Руцкой прокричал с балкона на втором этаже:

– Прошу внимания! Надо сегодня взять штурмом мэрию и Останкино! Молодежь, боеспособные мужчины! Вот здесь надо строиться, формировать отряды! Ура, товарищи!

Вслед за Руцким выступил с балкона Хасбулатов:

– Я призываю наших доблестных воинов привести сюда танки, чтобы штурмом взять Кремль и узурпатора, преступника Ельцина. Он сегодня должен быть заключен в «Матросскую тишину». Вся его продажная клика должна быть заключена тоже в тюрьму!

Руцкой спустился с балкона на площадь и принялся командовать формированием его штурмовых отрядов из толпища манифестантов. Требовал строиться поротно, повзводно, орал, матерился. Ему не перечили, хотя внезапные штурмовики не получили никакого оружия. У них были лишь отнятые у солдат дубинки.

Все это я наблюдал тогда обреченно с беспомощным предчувствием несчастья. Штурмовать с палками вооруженную охрану телецентра Останкино? Да его запросто отключат при угрозе захвата. Ну, даже если бы штурм удался, то разве бы погубил Ельцина телевизионный спич генерала Руцкого? Его горе-штурмовиков наверняка перестреляет спецстража телецентра!

Кроме того, нападение из «Белого дома» на мэрию и Останкино было для Ельцина подарочным поводом ответить сокрушительным контрнападением. Одновременно Руцкой торпедировал 3 октября миротворческие переговоры под председательством патриарха Алексия II между представителями руководства парламента и эмиссарами Ельцина.

И уж тем более был демагогией и очевидным блефом балконный призыв Хасбулатова «штурмом взять Кремль», «привести сюда танки», «заключить узурпатора Ельцина» в тюрьму. Через сутки, как известно, Хасбулатова отконвоировали ельцинисты из «Белого дома» в тюрьму. А танки гвардейской

Кантемировской дивизии пришли «сюда», расстреляли прямой наводкой «Белый дом», сожгли дочерна наполовину, и только случайно не угробили Хасбулатова. Вместе с Руцким.

До этого Руцкой 3 октября поручил своему соратнику-генералу в отставке Альберту Макашову захватить мэрию и Останкино. Но Макашов с отрядом штатских новобранцев с палками атаковал вовсе не мэрию на Тверской улице, а ее филиальный офис в здании возле «Белого дома». Туда ватага Макашова ворвалась без боя, а он влез на бетонный козырек над уличным входом в офис и гаркнул в рупор мегафона:

– Больше не будет ни мэров, ни пэров, ни херов!

Его рекруты загоготали:

– Браво, Макашов! Нашему генералу – слава!

Далее Макашов со своим отрядом вернулся на площадь позади «Белого дома» и призвал новых энтузиастов поучаствовать в штурме Останкино. На моих глазах он сформировал автоколонну волонтеров на дюжине грузовиков и легковушек, захваченных прежде у солдат на Садовом Кольце. Безоружные добровольцы заполнили битком трофейные машины. Для сверхрискованного штурма телецентра самодурный генерал-пенсионер прихватил с собой всего-навсего 18 автоматчиков.

В Останкино он угодил в западню. Два корпуса телецентра на улице Королева заняли заранее 400 стрелков спецназа МВД. Поблизости стояли наготове 24 броневика с дальнобойными пулеметами. Однако никто из них не открыл огонь пока к незначительному десанту Макашова не присоединилось несколько тысяч пришедших пешком сторонников парламента. Их марш в Останкино растянулся на два часа.

Тем временем Макашов горланил через мегафон:

– Если найдутся придурки, которые будут стрелять в нас, то им останется только одно: чемодан-вокзал-Израиль! Телевизионные крысы, выходите! Крысы! Выходите! Каждому, кто выйдет добровольно, будет сохранено одно яйцо. Сопротивление бесполезно. Ельцин вас предал. Вы окружены превосходящими силами!

В семь часов вечера грузовик из автоколонны Макашова протаранил с разгона стеклянные двери технического отделения телецентра. Туда же пальнул из гранатомета какой-то штурмовик.

И сразу же шквал убойного свинца обрушился на безоружную толпу посреди улицы Королева. Палили спецназовцы МВД из окон и с крыш обоих корпусов телецентра. Беспощадную бойню завершили пулеметчики подоспевших броневиков. Убили 46 человек. Ранили 124.

Невредимый Макашов вернулся на автомобиле в «Белый дом». Его самодовольство не пошатнулось:

– Я пошел в Останкино и что мог там делал.

Ельцин ввел в столице чрезвычайное положение и приказал войскам на подмосковных гарнизонах войти в Москву для штурма «Белого дома». А в нем на всех этажах обитатели с тусклыми свечами в ночных потемках сооружали в коридорах и на лестницах оборонные брустверы из сейфов, холодильников, столов.

В полночь я тоже со свечкой добрался во мраке на моем этаже до недалекого кабинета зама Хасбулатова нардепа Валентина Агафонова и попросил его предупредить Хасбулатова о том, что иду к посольству США с надеждой уговорить американцев поспособствовать экстренному перемирию между нами и Кремлем.

Ночь перед штурмом

Той ночью я дошагал до ворот американского посольства на Девятинском переулке. За решеткой ворот у проходной будки стоял, сжимая карабин, морской пехотинец в каске, пятнистом камуфляже, бронежилете. Внутри будки постовой выслушал мое пожелание побыстрее повидать мистера Села. Вскоре в будку вошел молодой американец и предложил мне следовать за ним во двор посольства.

Через полсотни метров мы подошли к длинному двухэтажному дому, где живут сотрудники посольства. Там каждая двухъярусная квартира имеет отдельное высокое крыльцо с каменными ступенями и чугунными перилами. Это архитектурная копия старинных кварталов американских городов на той части Атлантического побережья, которая с колониальных времен именуется Новой Англией.

С парадного крыльца мой поводырь ввел меня в гостиную, теплую и уютную, с камином, мягкими креслами, торшерами и настенным гобеленном с вытканным букетом красивых цветов. Иноземный комфорт мгновенно вызвал горькую мысль: «Господи, когда же мы, русские, вместо боев друг с другом наладим хорошую жизнь?»

Хозяин квартиры – седеющий, плечистый, сухощавый по-спортивному – пожал мне руку и указал на кресло. Рядом сел приведший меня дипломат и раскрыл блокнот. Луис Сел спросил:

– Не возражаете против стенограммы?

– Нет.

– Приступим прямо к цели вашего прихода?

– Согласен. А вам, несомненно, уже известно, что в город вошли бронетанковые войска. И готовятся к удару по «Белому дому». Почти неизбежно страшное кровопролитие. Я хотел бы, будучи русским,

предотвратить массовое убийство русских русскими. Мы вам чужие. Но вам не могут быть чужды ваши долгосрочные государственные интересы. Ваш кремлевский друг, как я уверен, будет завтра победителем. Однако Соединенным Штатам вряд ли выгодно политически иметь в России царствующего друга, запятнанного русской кровью. Гораздо выгоднее для вас, не лишая вашего друга лавров триумфатора, выступить сейчас миротворцами в смертельный для русских час.

– Кто может подтвердить ваши полномочия для такого предложения нам?

– Председатель парламента Хасбулатов.

– А Руцкой?

– Если и это необходимо, то будет обеспечено.

– Что же вы хотите от меня конкретно?

– Выступить посредником между нами и Кремлем.

– Что вы предложите Кремлю?

– Немедленную встречу их представителей с нашим руководством. Никаких предварительных условий. Тема и цель встречи единственная – избежать кровавого взаимоистребления.

– Ну, что же, считаю вашу инициативу достойной уважения. Хотя не разделяю ваших взглядов. И не могу быть посредником между Кремлем и «Белым домом», ибо мы принципиально не вмешиваемся во внутренние дела России. Но все же помочь по гуманным соображениям не отказываюсь. Хотите, чтобы я информировал о вашем запросе из «Белого дома» ближайшее окружение президента Ельцина?

– Да, сделайте это.

– Как сообщить вам ответ?

– «Белому дому» обрубили все средства связи. Я могу вернуться к вам сюда в назначенное время.

– Хорошо, возвращайтесь через час. В полвторого ночи.

Он пристально взглянул на меня и вдруг произнес:

– Чем помочь лично вам?

Я рассмеялся:

– Сочту за помощь дабл-виски.

Согретый шотландским скотчем, я возвратился в промозглую темень «Белого дома». Во всех подъездах уже обосновались автоматчики. С лестницы проникнуть на любой этаж можно было теперь только протискиваясь боком в щель между массивными сейфами. Там часовые освещали входящего фонарем или свечкой и допытывались: «Кто? Куда идешь? Есть оружие?». Меня узнавали и не допрашивали.

Еще три охранных поста я миновал без расспросов в коридоре пятого этажа перед приемной Хасбулатова. Его секретарь взял со своего стола горящую свечу, провел меня через сумрачный огромный кабинет спикера и впустил в небольшую комнату, освещенную, к моему изумлению, мигавшей электролампой. Ее потайной провод, как оказалось, протянули из здания наружу и подключили к уличному фонарю.

В той комнате я увидел всех наших руководителей, сидевших на двух диванах и стульях вокруг низкого кофейного столика. Хасбулатов, Руцкой, хасбулатовские замы Воронин и Агафонов, три назначенные Руцким министра.

Хасбулатов выслушал мой пересказ разговора в посольстве США и обернулся к Руцкому:

– Следует продолжить миротворческие попытки с помощью американцев. Верно, Александр Владимирович?

– Да, правильно, – ответил Руцкой. – Продолжай, Иона.

Воронин сказал:

– Вряд ли американцы помогут после вчерашнего краха самого главного – переговоров с правительством благодаря Патриарху. Ведь мы в Свято-Даниловом монастыре уже были близки к бескровной развязке кризиса. Зачем же бросились на мэрию и телецентр?

– Кого вы хотите сделать на всякий случай главным виновником? – рассердился Руцкой.

– Не надо сейчас зря спорить, – вмешался Агафонов. – Наши ошибки все равно уже неисправимы.

Тягостное молчание возникло в комнате. Хасбулатов чиркнул зажигалкой и принялся раскуривать свою знаменитую трубку. Окаменевшие лица темпераментных еще недавно политиков вызвали у меня странное ощущение мертвой атмосферы музея восковых фигур. Показалось, что эти неудачники, с которыми я связал свою судьбу, отсылают меня опять к американцам, не надеясь уже ни на что. И будто читая мои мысли, Хасбулатов заговорил:

– У вас, Иона Ионович, есть личное оружие?

– Нет.

Он расстегнул пиджак, отцепил от брючного ремня пистолетную кобуру и протянул мне. Офицерский восьмизарядный ПСМ лежал в кожаной кобуре с тисненым восточным орнаментом. Подарок был символичен тоже по-восточному. Он явно означал, что у меня уже нет пути назад. Я и сам это знал.

– А вы останетесь безоружным? – спросил я Хасбулатова.

– Мне еще дадут, – улыбнулся он.

Руцкой ожил и сказал насмешливо:

– А ты, Иона, разве умеешь обращаться с оружием?

– Почему сомневаетесь?

– Ну, ты же интеллигент.

– Верно, я русский интеллигент. В отличие от пришедших с вами сюда ваших кремлевских помощников-советников. Они этой ночью все смылись. А я, интеллигент, здесь с вами.

Он примирительно положил руку на мое колено:

– Не кипятись. Все знали, что ты не предашь, останешься тут до конца.

Покинув апартаменты Хасбулатова, я отправился на второе свидание с мистером Селом. Когда перелезал через нашу уличную баррикаду, кто-то из ее защитников крикнул:

– Смотрите, депутат Андронов удирает! Позор трусу!

– Заткнись! – ответил я. – Через час вернусь.

Вряд ли мне поверили. В те ночные часы немало упавших духом разошлось отсюда втихомолку по домам.

У ворот американского посольства в будке охраны поджидал меня уже знакомый сотрудник Луиса Села. Мы пришли опять в ту же квартиру. Там в тепле я снял свою пуховую куртку, но отклонил попытку вежливого Села пристроить мою куртку на вешалке. Это сделал я сам. Иначе дипломат почувствовал бы необычную тяжесть легкого пуховика с пистолетом в кармане. Во всех посольствах строжайше запрещено впускать посторонних с оружием.

В гостиной Сел сказал мне:

– Вот телефон. Можете позвонить исполняющему обязанности министра иностранных дел Виталию Чуркину.

– А где министр Андрей Козырев?

– Он сейчас собрался, кажется, вылететь из нашей страны в Москву.

– Разве Чуркин, ведая иностранными делами, полномочен обсуждать проблему конфронтации правительства и «Белого дома»?

– Взгляните на телефонный номер Чуркина дабы развеять сомнения.

Дипломат вручил мне бумажку с семью цифрами, из которых первые три были 206.

– Понятно? – спросил он.

– Да, это телефон в резиденции правительства на Старой площади.

– Так звоните туда Чуркину.

Виталий Чуркин был знаком мне с 1985 года, когда я репортерствовал в Америке, а он, начинающий дипломат, служил скромно секретарем вашингтонского посольства СССР. Выпускник привилегированного Московского госинститута международных отношений проявил в логове империализма такую страстную преданность коммунистическим идеалам, что его перевели через два года в аппарат ЦК КПСС.

Но как только Ельцин запретил КПСС, Чуркин стал антикоммунистом и ярым ельцинистом. За это его возвели в замминистры иностранных дел России. Столь резкий карьерный взлет, как задокументировано сослуживцами Чуркина, надолго вскружил ему голову: «Виталий Иванович Чуркин внешне высокомерен, самоуверен, подвержен чувству собственной непогрешимости».

Телефонный разговор со мной Чуркин сразу начал бесцеремонно:

– Ну, что, Иона Ионович, ваши сообщники после их бандитизма в Останкино рассчитывают все же на милосердие?

– Давайте поговорим без оскорблений.

– Нет, давайте начистоту. Вы в «Белом доме» способны контролировать своих бандитов?

– Руководство «Белого дома» способно сейчас контролировать наших сторонников непосредственно вокруг парламента. Снова прошу воздержаться от оскорблений.

– Нечего корчить из себя балерину.

– Зря вы стараетесь меня подстрекать к ответным издевкам над вами. На это я не поддамся. Ведь речь идет не о нас двоих. Вы же знаете, что скоро могут атаковать «Белый дом». И произойдет колоссальное кровопролитие. Погибнет много русских людей. Давайте о них позаботимся.

– Толкуете о русских, а сами-то зачем прибежали в американское посольство?

– Нет иного способа обратиться к вашему начальству. В посольстве знают, что я им не друг. Однако благодарен за их помощь. Сегодня ночью неуместны ваши мелочные придирки относительно американского посольства.

Чуркин недовольно хмыкнул. Моя последняя фраза сбила с него спесь. Он догадался, что рядом со мной сидит и внимательно все слушает влиятельный в кремлевских кругах мистер Сел, владеющий русским языком. Чуркин, сменив тон, заговорил, наконец, по-деловому:

– Что конкретно предлагаете?

– Срочную встречу, без каких-либо предварительных условий, между представителями правительства и руководством «Белого дома». Цель встречи одна – как избежать кровопролития.

– Это ваша личная инициатива?

– Я лишь посредник. А вы?

– У меня есть соответствующие полномочия свыше. Кто вас уполномочил?

– Хасбулатов и Руцкой. А вас?

– Это пока не основной вопрос.

– Нет, это чрезвычайно важно. Без этого наш разговор вообще теряет смысл. Назовите, пожалуйста, того, кто вами сейчас непосредственно руководит.

– Премьер-министр.

– Когда же ждать его ответа?

– А где вас найти через двадцать минут?

– Здесь же в посольстве по известному вам номеру телефона.

– Хорошо.

Чуркин позвонил пунктуально спустя 20 минут. И произнес твердо, но уже без издевок:

– Ваше предложение о встрече отвергнуто. Не будет больше ни встреч, ни переговоров с вашими предводителями. Передайте им наше безоговорочное требование: «Сложить оружие. Выйти из здания Верховного Совета».

– И это все?

– Да. Повторяю ответ нашего правительства всем засевшим в «Белом доме»: «Сложить оружие, выйти из здания».

– Но ведь это окажется для нас наверняка неприемлемым...

Однако он сухо подытожил:

– Больше обсуждать нечего.

– Ну, так прощайте, Виталий Иванович.

– Прощайте.

Положив телефонную трубку, я услышал рядом голос Луиса Села:

– Мы очень сожалеем, что все кончилось столь скверно.

Да, это был для меня сокрушительный конец отчаянной попытки спасти «Белый дом» и предотвратить кровавую развязку. Память зафиксировала ночное время моего провала – 2 часа плюс 15 минут 4 октября.

Спустя две недели в Нью-Йорке газета «Ньюсдэй» подробно описала, как «националист и противник Ельцина депутат Андронов» попытался с помощью «высокопоставленного дипломата США» склонить Кремль к переговорам с «Белым домом» вместо бронетанкового штурма парламента. Итог штурма уже был общеизвестен – десятки мертвецов. Вину за это возложил Чуркин в американской прессе на меня:

«Все рухнуло, когда я задал Андронову единственный вопрос: что хотят обсудить с нами его руководители? Они хотели устроить очередную политическую дискуссию о том, какие указы надо бы аннулировать и каким образом организовать новые выборы. Но в то время, после начала боевых столкновений, оказалось уже слишком поздно и несуразно начать в два часа ночи рассуждать о том, как сохранить Конституцию».

Чуркин солгал: я с ним не обсуждал по телефону ни отмену президентских указов, ни будущие выборы, ни способы сохранения Конституции.

Тем не менее выдумку Чуркина подхватили, проигнорировав меня, угождавшие Кремлю московские газетчики. А я был тогда безгласен: все оппозиционные Ельцину газеты были силком закрыты до декабря. И только в конце 1993 года я сумел публично опровергнуть фальшивые оправдания

пособника премьер-министра Черномырдина, загубившего последний шанс избежать убийства множества сограждан.

Премьер-министр Черномырдин отверг мое мирное посредничество, ибо он заодно с Ельциным, как выяснилось теперь, требовал от армии испепелить «Белый дом», а не наладить с ним переговоры. Подчиненный в ту пору Черномырдину министр Михаил Полторанин ныне рассказывает, что премьер обзывал непокорных депутатов «погаными» и «дерьмом» и орал «матом-перематом»:

– Хер им, а не жалость!

Черномырдин бушевал 4 октября в его резиденции на Старой площади:

– Никаких переговоров! Надо перебить эту банду! Это же нелюди, зверье.

Когда я пришел в посольство США первый раз в полночь то еще не знал, что поблизости на Арбате почти в это же время Ельцин и Черномырдин находились в здании министерства обороны и приказали генералам расстрелять из танков «Белый дом». Через четыре дня министр обороны Павел Грачев поведал столичным журналистам:

– Реально начать штурм можно было в 2 часа ночи. Но не пошли – не было необходимости спешить. Решили дождаться рассвета. С 23 до 24 часов 3 октября на коллегии министерства обороны с участием президента и премьер-министра были поставлены боевые задачи войскам. Премьер-министр сразу организовал штаб в Кремле и второй штаб в министерстве обороны под моим руководством.

Прощаясь со мной, Луис Сел сказал:

– После вашего отчета руководству «Белого дома» вы можете обратиться опять к нам за помощью вам персонально.

Поблагодарив за любезно завуалированное предложение посольского убежища, я ответил, что останусь в парламенте до конца. Мы обменялись рукопожатиями. Мистер Сел и его младший напарник сожалеюще глядели на меня будто на покойника.

Янки и танки

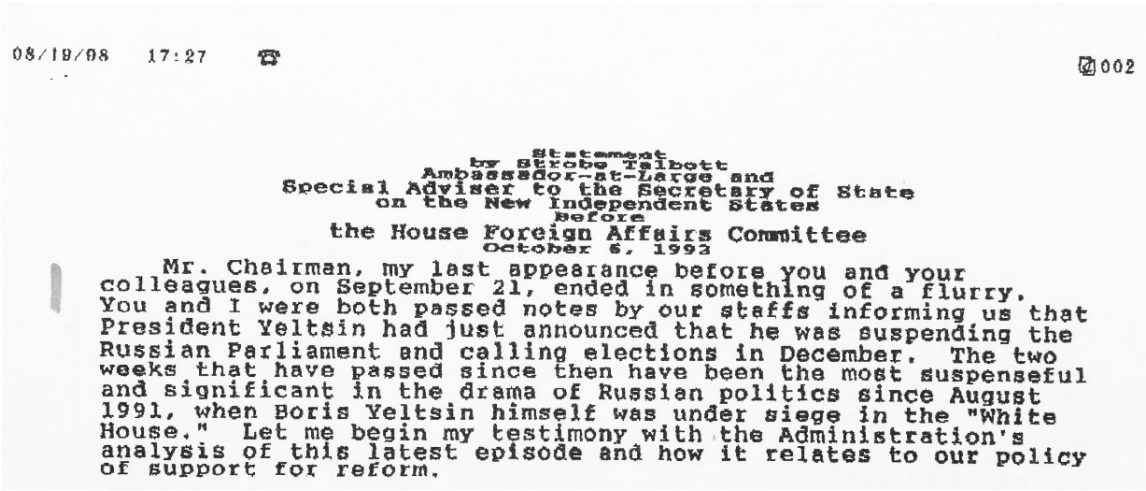
Через день после бронетанкового штурма и захвата ельцинистами парламентского «Белого дома» правительственный отчет об этом трагичном событии прозвучал вовсе не в Москве, а за океаном в Вашингтоне. Точнее – в Капитолии, почетной резиденции Конгресса США.

На заседании комитета конгрессменов по международным делам выступил докладчиком заместитель государственного секретаря США Строуб Тэлбот, закадычный друг президента Билла Клинтона, назначившего Тэлбота главным куратором отношений с Россией и лично с Ельциным.

Ванкувер, 1993. Строуб Тэлбот (слева), переводчик Сергей Бережков, Билл Клинтон, Борис Ельцин.

(Strobe Talbott. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. New York, 2002)

Американская журналистка Эллен Рэй, моя приятельница, живущая в Нью-Йорке, раздобыла и переслала мне неопубликованный доклад Тэлбота в Капитолии на 16 страницах. Цитирую наиболее существенное:



08/19/98 17:27 ☎ 002

Statement
by Strobe Talbott
Ambassador-at-Large and
Special Adviser to the Secretary of State
on the New Independent States
before
the House Foreign Affairs Committee
October 6, 1993

Mr. Chairman, my last appearance before you and your colleagues, on September 21, ended in something of a flurry. You and I were both passed notes by our staffs informing us that President Yeltsin had just announced that he was suspending the Russian Parliament and calling elections in December. The two weeks that have passed since then have been the most suspenseful and significant in the drama of Russian politics since August 1991, when Boris Yeltsin himself was under siege in the "White House." Let me begin my testimony with the Administration's analysis of this latest episode and how it relates to our policy of support for reform.

– Мистер Председатель, мое предыдущее общение с вами и вашими коллегами 21 сентября было прервано в суматохе. Нам сообщили: президент Ельцин только что упразднил там парламент и назначил выборы на декабрь. С того дня последующие две недели были крайне тревожными, важными и драматичными в политической жизни России с августа 1991 года, когда сам Борис Ельцин очутился в осаде внутри «Белого дома». А я начну с изложения анализа нашим правительством нынешнего эпизода и как это связано с нашей политикой поддержки тамошних реформ…

Президент Клинтон отреагировал твердым заявлением о поддержке мистера Ельцина. Это заявление было сделано срочно после новости из Москвы.

По поручению госсекретаря Кристофера наш московский посол Пикеринг и я сотрудничали с российскими властями с ранних утренних часов понедельника 4 октября, когда войска там начали действовать.

Нас информировали, что у Ельцина есть два варианта операции. Первый – быстрый и грязный: вломиться в здание и перестрелять там всех, как поступают при расправе с гангстерами. И другой вариант – постепенный захват здания, чтобы предоставить людям максимальный шанс капитулировать. Хотя в итоге количество убитых оказалось значительным, мы все же ободрены тем обстоятельством, что президент Ельцин применил второй вариант.

Мистер Председатель, сегодня мы свидетели этого трагического эпизода великого противоборства в России за последние дни. С одной стороны, были силы прошлого, старого Советского Союза и старой советской системы террора, угроз, произвола силы. С другой стороны – силы новой России, которые олицетворяет президент Ельцин, почитающие демократию, реформы, уважение к человеческой жизни и гражданский мир…

Вашингтонский поборник кровопролитной «демократии и гражданского мира» Ельцина слукавил в Капитолии 6 октября 1993 года: две недели назад новость из Москвы о разгоне Ельциным российского парламента не была на деле для Тэлбота ни внезапной, ни сенсационной, ни причиной «суматохи». Ибо он персонально приобщился к подготовке в нашей столице военного госпереворота еще в январе 1993 года. Об этом спустя девять лет пенсионер-дипломат Тэлбот горделиво поведал в мемуарной книжке «The Russia Hand».

(Кстати, название его мемуаров ошибочно перевели на русский язык, как «Русская рука» и «Рука России» известные у нас международники-публицисты Михаил Ростовский («Московский комсомолец») и Александр

Домрин («День», «Стрингер»). А правильно – «Специалист по России» или «Знаток России»).

Так вот, в начале 1993 года сослуживец Тэлбота в госдепартаменте Деннис Рос, деловой партнер директора ЦРУ Джеймса Вулси, посоветовал, по словам Тэлбота, ему:

– В Москве единственный парень, с которым ты сможешь сработаться, это Мамедов.

В те дни Георгий Мамедов был замом министра иностранных дел Андрея Козырева, публично дискредитированного вашингтонского холуя. По его поручению Мамедов заведовал в МИД РФ управлением дипотношений с США и Канадой. Наводка на него из ЦРУ Тэлботу имела подоплеку десятилетней давности.

В бытность моего репортерства в США советским газетчиком в 80-е годы молодой Мамедов подвизался в посольстве СССР в Вашингтоне на низовой должности. Вместе с тем его положение было прочным благодаря отцу-ветерану нашей военной разведки и потом номенклатурному чиновнику высокого ранга. Однако карьера Мамедова едва не рухнула в 1981 году из-за публикаций о нем в американской прессе. Их суммировало издательство Hoover Press, Stanford University, California:

«21 сентября 1981 года Ирина Мамедова, жена Георгия Мамедова, который был вторым секретарем в советском посольстве в Вашингтоне и был известен как оперативник КГБ, взяла их пятилетнюю дочь Татьяну, пришла в офис контрразведки FBI и попросила убежища.

Ее муж был посажен советскими агентами безопасности в советский самолет и отправлен в Москву.

12 дней миссис Мамедова была под американской охраной. Она сперва заявила, что не хочет общаться с сотрудниками советского

посольства. Она сообщила ее американским друзьям, что сбежала из-за супружеских раздоров и ради спасения ее дочери.

Однако после побега миссис Мамедовой ее первоначальный настрой смягчился. Под конец она согласилась встретиться с советскими официальными лицами. Во время этой встречи 7 октября 1981 года они сказали ей, что знают о ее семейных неполадках, сочувствуют ее эмоциональной депрессии из-за тех неурядиц и обещают, что ее не накажут, если она вернется в СССР.

В итоге она решила вернуться в сопровождении двух советских официальных представителей. Корреспонденты «Вашингтон пост» Боб Вудворд и Роберт Кайзер опубликовали сообщение анонимного офицера контрразведки о том, что побег Мамедовой случился «не по политической причине, а потому, что она хотела отделаться от мужа, который регулярно напивался и бил ее».

Окончание этого скандала в Москве было наредкость необычным: Мамедова не уволили из МИДа, не упрекнули хотя бы слегка служебным выговором. А вместо того назначили замом начальника Управления США в МИД СССР! Как ни странно, и вашингтонские дипломаты восстановили нормальное сотрудничество с женобойцом и якобы «оперативником КГБ».

Подобные инциденты, впрочем, случались в прошлом по части шпионажа. В 1962 году во время знаменитого Карибского кризиса, чреватого тогда войной между США и Советским Союзом, вашингтонский корреспондент журнала «Советский Союз» Георгий Большаков был организатором тайного радиоканала связи напрямик от кремлевского правителя Никиты Хрущева к президенту США Джону Кеннеди. Американские контрразведчики знали, что журналист Большаков – полковник Главного разведуправления Генштаба советской армии. Но они его никак не беспокоили.

На протяжении шести лет, с августа 1971 года по сентябрь 1977 года, когда не было дипотношений между СССР и Израилем, зарубежный корреспондент газеты «Правда» Евгений Примаков вел по заданию КГБ и ЦК КПСС секретные переговоры с высшими руководителями Израиля, посещал Тель-Авив, встречался с офицерами тамошних разведслужб Моссад и Натив. Примаков стал директором Службы внешней разведки России в 1991 году.

В 1969 году московский журналист Виктор Луи, агент КГБ и вместе с тем корреспондент английских газет «Ивнинг ньюс» и «Санди экспресс», доставил в Нью-Йорк нелегально магнитофонные пленки с записями устных воспоминаний Никиты Хрущева, свергнутого его ближайшими соратниками и жившего на даче под надзором КГБ.

Магнитофонные мемуары пенсионера Хрущева до их секретного экспорта в США подверглись купюрам в тех местах, где речь шла о Брежневе, ниспровергателе и наследнике Хрущева. Эту сокращенку сбыл Луи издателям популярного журнала «Тайм», а те отдали для перевода с русского языка на английский политобозревателю журнала русисту Строубу Тэлботу.

Тэлбот пригласил Луи перед отлетом в Москву поужинать вместе с журналистами «Тайм». Агент КГБ пожелал Тэлботу удачи при переводе сбивчатых рассуждений малокультурного Хрущева. Тэлбот сумел все успешно отредактировать. Двухтомную книжку назвали «Хрущев вспоминает». Так Тэлбот впервые посотрудничал с КГБ.

В феврале 1993 года зам госсекретаря США Тэлбот встретился в Женеве с прилетевшим туда замом министра иностранных дел РФ Мамедовым и договорился с ним о том, что «он и я будем действовать совместно ради подлинного сотрудничества России с США».

Для этого они конфиденциально учредили спустя полтора месяца негласную «Группу стратегической стабильности» (Strategic Stability Group) с ведома президентов Клинтона и Ельцина. Ныне Тэлбот рассекретил:

«Под эгидой Группы стратегической стабильности Мамедов присоединил к ней несколько чинов министерства обороны России и ее служб разведки. Я дополнил их моими коллегами из Пентагона и ЦРУ».

Целью группировки была максимальная американизация высшего руководства России и всевозможная подмога Ельцину в его поединке с враждебным ему и непослушным Вашингтону российским парламентом.

21 сентября 1993 года через полчаса после телевизионного объявления Ельцина в Москве о разгоне им парламента ему позвонил Клинтон из Вашингтона, высказал свою поддержку и сообщил об экстренном ассигновании правительству Ельцина двух миллиардов долларов. Телефонный спич Клинтона подготовил Тэлбот. Он же обеспечил перевод Ельцину подарочных долларов 30 сентября.

4 октября стал днем смертоносного триумфа Строуба Тэлбота:

«В полночь я лег поспать на диване в моем офисе. Проснулся в три часа ночи. В Москве было около полудня. Пошел в наш круглосуточный операционный центр, где на экранах отслеживали тогдашний кризис в Москве. Я позвонил Мамедову и попросил сообщить последние новости. Он был в своем офисе в полумиле от атакованного «Белого дома». Он сказал, что солдаты уже ворвались в «Белый дом» и захватили два нижних этажа.

Внезапно я и Мамедов умолкли. Он спросил:

– Ты видишь то, что я вижу?

Да, я это увидел. Наша телекомпания Си-эн-эн показала, как десантники на броневиках штурмуют «Белый дом». А потом полчаса я и Мамедов наблюдали как колонна танков палит по «Белому дому». Его верхние этажи охватил пожар. Клинтон в тот день вылетел с

тихоокеанского побережья, позвонил в Москву с борта президентского авиалайнера и высказал Ельцину свою поддержку».

5 октября Клинтон повторно позвонил Ельцину и добрил бронетанковый расстрел парламента: «You did everything exactly as you had to do and I congratulate you for the way you handled it» («Вы сделали верно все, что вы должны были сделать, и я поздравляю вас за то, как вы это проделали»).

Поздравил за убийство нескольких сотен безоружных российских граждан.

Общая численность погибших 3-го и 4-го октября до сих пор засекречена.

Вашингтон. 2000. Президент США Билл Клинтон поблагодарил зама министра иностранных дел РФ Георгия Мамедова за его дружеское сотрудничество с госдепартаментом и ЦРУ США

Агония «Белого дома»

Ельцин накануне разгрома «Белого дома» инспектирует оружие штурмовиков. Рядом – предводители штурма: командующий войсками МВД генерал Анатолий Куликов (слева) и министр внутренних дел РФ генерал Виктор Ерин

Многопатронный залп дальнобойного пулемета расколол вдребезги большое окно моего депутатского кабинета на третьем этаже «Белого дома» в 6 часов 45 минут утра 4 октября. Пригнувшись до уровня подоконника, я выглянул наружу. Там внизу, на мостовой, палили по парламенту пулеметы трех броневиков и на них сидевшие десантники. Они уже разметали хилую баррикаду наших безоружных защитников, чьи трупы валялись на асфальте.

А на панцирях броневиков увидел я каких-то странных десантников – мужчин в черных кожаных куртках и штатских брюках. Эти штурмовики стреляли из разномастного оружия – короткоствольных карабинов, армейских

автоматов, помповых ружей. Неужели, обомлел я, атакуют нас какие-то наемники? Кто они?

Тех цивильных десантников видели многие из окон «Белого дома». Потом рассказывали, что это были боевики-сионисты, некие «бейтаровцы» из московской организации еврейской молодежи Бейтар. Но спустя неделю на первой странице «Московского комсомольца» появилась самохвальная публикация «Союза ветеранов Афганистана» о том, что они первыми начали штурмовать «Белый дом» 4 октября в 6:45 утра, палили по окнам, сидя на броневиках и внутри в качестве пулеметчиков, «прошли мы первую баррикаду и блокировали Белый дом с тылу, приняли решение сидеть там до конца, ушли только в восемь часов». («МК», 12.10.1993).

Их за это вознаградил Ельцин медалями «За личное мужество», а еще до того даровал своим указом «Союзу ветеранов Афганистана» (СВА) льготные лицензии на беспошлинный экспорт нефтепродуктов, цветных металлов, древесины, минеральных удобрений без налогообложения валютной выручки в десятки миллионов долларов.

Баснословно разбогатевшие вожаки «афганцев», деля добычу после штурма «Белого дома», перестреляли друг друга. Уцелел и процветает до сих пор почетный глава СВА и соучастник расстрела парламента полковник Франц Клинцевич, он же мультимиллионер с зарубежным капиталом в офшорном банке на острове Сент-Китс в Карибском море на западе Атлантики.

Кровавым утром 4 октября ударный отряд СВА с полковником Клинцевичем состоял лишь из сотни бойцов. Они были сильны не количеством, а особым качеством: пристрастились в Афганистане громить мятежные кишлаки и убивать во время атаки любых подвернувшихся жителей. Точно так же «черная сотня» Клинцевича перебила возле «Белого дома» безоружных баррикадников. Такая казнь гражданских смутьянов

понадобилась в начале штурма, чтобы показательно воздействовать на психику молодых некровожадных солдат. Их учили безжалостно убивать соотечественников.

Вслед за авангардом «афганцев» начали штурмовать «Белый дом» двадцать тысяч солдат трех армейских дивизий и дивизии МВД имени Дзержинского. Эта сводная рать гвоздила парламентский дворец шквальным огнем пулеметов и пушек броневиков, а пешие стрелки ворвались в продырявленные подъезды нижнего этажа. Там оборонялись и погибли почти все наши вооруженные защитники-добровольцы из их профсообщества «Союз офицеров».

В десять часов утра 19-этажный «Белый дом» задрожал от разрывов кумулятивных снарядов могучих танков Т-80. Они прошибли высотное здание насквозь и подожгли со всех сторон его верхнюю половину, позволяя штурмовикам захватывать поочередно нижние этажи.

Четыре танка крушили «Белый дом» прямой наводкой с соседнего речного моста, а шесть других с набережной. Парламент умирал в пламени и копоти жуткого пожара.

К двум часам пополудни артогонь танков превратил верхнюю половину «Белого дома» в раскаленный костер. Нижние этажи уже захватили штурмовики за исключением небольшого островка остатков нашей самообороны в фасадной части здания. Мы еще удерживали на третьем этаже зал Палаты национальностей, примыкающие к нему холл и лестницу парадного подъезда, а над ними – кабинет Хасбулатова на пятом этаже, где он и Руцкой засели с их охранниками.

Возле Палаты национальностей на мраморной лестнице, ведущей вниз к парадному входу, лежали за белокаменными перилами наши поредевшие бойцы. Они отгоняли пулями солдат, наседавших с речной набережной. Этим последним оплотом сопротивления командовал генерал Макашов.

Он был в генеральской униформе с алыми лампасами. Бесприкладный автомат на плечном ремешке. И черный берет Че Гевары.

Усатое лицо Макашова выражало суровую решимость и стальное спокойствие. Стрелки подчинялись ему беспрекословно. Было ясно, что он готов умереть с автоматом в руках. Но не как раненый Че Гевара в плену. Глядя на Макашова, мне показалось, что он задумал войти в историю погибшим в неравном бою легендарным командиром второй советской Брестской крепости.

Прочие наши генералы под конец штурма растерянно стушевались и отстранились от военного командования. Назначенный Руцким министр обороны генерал Владислав Ачалов вдруг сказался больным и редко появлялся, прихрамывая и опираясь на трость. Еще двое генералов-министров, назначенцы тоже Руцкого, попросили меня, международника, подсказать им – как получить убежище в московских посольствах Северной Кореи либо Китая или Ирака?

Беглецами из России захотели стать выгнанные Ельциным прежде из его правительства за взятки генералы Виктор Баранников и Андрей Дунаев, перебежчики к Руцкому. Теперь генерал Баранников уже переоделся в штатское кожаное пальто, а генерал Дунаев – в спортивную курточку. Им я ответил:

– Ни одно посольство в Москве не укроет вас во избежание дипломатического скандала с Кремлем. Для любого иностранного посла сегодня вы – политические трупы. Не нужны никому за границей. Смиритесь с этим.

Они промолчали.

Дважды я поднимался на пятый этаж к Хасбулатову и Руцкому. В кабинете спикера все окна были разбиты пулеметной пальбой. Пули щелкали по стенам и потолку. Передвигаться там можно было только согнувшись до

уровня подоконников. Ковер на полу усеяли осколки стекол и клочья штукатурки.

Хасбулатов сидел на стуле вне кабинета в закутке, защищенном боковой стеной. Рядом с ним стояли двое автоматчиков в касках и бронежилетах. Спикер почему-то одел напоследок белоснежный плащ, похожий в тот день на саван. Хасбулатов фатально устранился в часы штурма от какого-либо командования. Я спросил его:

– Ну, как, Руслан Имранович, выживем мы?

– Надеюсь, что вы и другие здесь останетесь живы, – промолвил он, – а сам я не уверен, что хочу дальше жить.

В кабинете Хасбулатова сидел на полу Руцкой под прикрытием массивного стола. Генерал оделся в боевой камуфляж, но обулся зачем-то в кроссовки белого цвета. Руцкой сжимал трубку радиотелефона и кричал, уговаривая председателя Конституционного суда Валерия Зорькина:

– Прошу тебя, звони в посольства! Валера, они бьют из пушек, из пушек! Они не оставят нас живыми. Пускай иностранные послы едут сюда. Я тебя прошу, звони в иностранные посольства!

Перед моим приходом проникли сюда же по приглашению Руцкого двое французских тележурналистов с переводчицей. Через несколько часов парижская телестанция Франс-2 продемонстрировала встречу Руцкого с его посетителями. Один из них сначала пояснил:

– Руцкой просил привести французских журналистов потому, что хочет сдаться.

Затем показали, как Руцкой в кабинете Хасбулатова сует французам автомат и сетует:

– Говорят, что я стрелял. Осмотрите мой автомат, он совсем новый, в нем еще масло. Здесь никто не стрелял! Я на курок не нажимал!

Далее он высказал причину вызова французов:

– Мы выйдем отсюда только в том случае, если посольство Франции или другой страны даст гарантии нам и Руслану Имрановичу.

Почти все депутаты провели день штурма внутри зала Палаты национальностей. Там нет окон, туда не залетали пули, а крепкие стены только вздрагивали от бронетанкового обстрела верхних этажей.

В полутемном зале, будто в катакомбе, тлели огоньки свечей. Было тесно и душно: сюда сошлось около сотни депутатов и триста оставшихся с ними в «Белом доме» канцеляристов, секретарш, стенографисток, официанток парламентской столовой.

Помню, как в том сумрачном зале две женщины запели старинную русскую песню. Им подпевали хором. И снова пели. Однако голоса звучали печально. Кое-кто молился. Некоторые писали прощальные записки своим семьям. Но слез на лицах я не видел. Эти люди, пережив стойко двухнедельную блокаду, смирились как бы с ожиданием теперь самого худшего для них. И так похоронно тянулось тут время час за часом, пока продолжался штурм.

Кладбищенская аура переполненного зала тяготила меня и выталкивала оттуда. Самочувствие улучшалось, когда я выходил в соседний холл и

общался подолгу с бойцами Макашова. Один из них, оборонявших парадную лестницу, крикнул:

– Смотри, Андронов, пришли парламентеры!

Внизу на лестничной площадке второго этажа возникли двое военных. У них в руках не было оружия. Одежда обоих не позволяла определить их род войск: необычные удлиненные бронежилеты прикрывали незнакомую мне униформу темно-оливковой расцветки. Один из них походил на космонавта: его голову и шею защищал округлый шлем с прозрачным забралом. Второй снял шлем и держал в руке кусок проволоки с привязанной тряпицей из белой марли.

К визитерам приблизились наши генералы – Баранников, Ачалов, Макашов. На них я уже не полагался доверчиво и подошел тоже к парламентерам. Статный шатен с бело-марлевым флажком сказал нам:

– Я офицер антитеррористической спецгруппы Альфа. У нас приказ штурмовать «Белый дом». Но мы решили предотвратить вашу гибель. Предлагаем вам прекратить бесполезное сопротивление.

Еще на афганской войне я много наслышался об Альфе, засекреченном спецназе КГБ. Советское вторжение в Афганистан началось с внезапного

захвата Альфой в Кабуле президентского дворца и убийства всей его стражи и президента Хафизуллы Амина. Потом на территории СССР при правлении Горбачева штурмовики Альфы по-своему обезвреживали вооруженных сепаратистов в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье.

Однако летом 1991 года Альфа не подчинилась кремлевскому ГКЧП и отказалась штурмовать российский парламент в «Белом доме». И вот это повторилось заново, хотя Ельцин лично продиктовал в Кремле командирам Альфы свой приказ атаковать резиденцию парламента.

– Нам дан приказ вести огонь на поражение, – разъяснил парламентер Альфы. – Значит, почти все вы будете убиты. Если даже мы пощадили бы вас, то на такой случай милиция уже пропустила к «Белому дому» большую толпу лавочников, бандитов и мародеров. Они линчуют вас. Против вас также подготовлены боевые вертолеты с ракетами. Поэтому лучше сдавайтесь.

– Кто вами командует? – спросил генерал Баранников.

– Начальник кремлевской охраны генерал Барсуков.

– Хорошо его знаю, – сказал Баранников. – Передайте ему, что я хотел бы с ним встретиться и обсудить ситуацию.

– Поздно. До штурма Альфы – двадцать минут. Сдавайтесь или погибните.

– Прошу военных прервать полемику, – вмешался я. – И предоставить, наконец, право на решение парламенту. Готовы ли офицеры Альфы пойти со мной в зал Палаты национальностей и обратиться там к депутатам? Прежде всего надлежит вывести отсюда женщин и всех безоружных.

– Поддерживаю, – кивнул Баранников.

– Мы согласны обратиться к депутатам, – произнес старший парламентер и отдал мне проволоку с марлей.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Можете звать меня условно Володей.

В депутатском зале вдоль стола президиума мы стали четверо – Баранников, офицеры Альфы и я. Первым выступил Баранников:

– Перед вами представитель подразделения Альфа. Он положил оружие у входа.

Раздались аплодисменты. Но одновременно пожилая растрепанная женщина метнулась к авансцене президиума:

– Он убивал наших товарищей! Позор!

Ее я встречал раньше на наших уличных баррикадах. На ней было серое испачканное пальто, рваный головной платок и грязные башмаки с полу-оторванными подошвами, которые она всегда показывала всем и пылко проклинала за это Ельцина. Ее нищенская патетика вызывала обычно сочувственные улыбки. Но на сей раз я обозлился:

– Уймись! Нечего закатывать истерику.

Баранников смог закончить выступление:

– Представитель Альфы пришел сюда по собственной воле со своим коллегой, чтобы поговорить с вами. Пожалуйста, выслушайте его.

Заговорил «Володя»:

– Наша спецгруппа Альфа не сделала ни одного выстрела по «Белому дому». Я один из командиров подразделения Альфа. Сейчас наша задача – остановить кровопролитие любыми способами. Я положил оружие и пришел к вам самостоятельно. Все мои товарищи тоже не хотят кровопролития. Мы знаем – что это такое. У нас есть боевой опыт. 30 наших бойцов захватили кабульский дворец Амина и уничтожили охрану. В Вильнюсе мы захватили телебашню по приказу нашего правительства, а оно потом отмежевалось от

нас. Я не политик. Я солдат. Мы в Альфе делаем свое дело. Но мы не хотим, чтобы вас перестреляли здесь. Мы годимся вам в сыновья, понимаете? Вместе с вами нужно принять решение немедленно! Предлагаю такой план: вы выйдете из здания, а бойцы Альфы образуют для вас защитный коридор и подгонят наши служебные автобусы. В них довезем вас до метро или куда хотите. Обеспечим максимальную безопасность.

– Нас арестуют? – крикнули из зала.

– Относительно последующих арестов не могу дать каких-либо гарантий.

– Объясните людям, – предложил я «Володе», – как вы сможете их защитить сегодня от расправы, если мы сдадимся.

– Никто не посмеет коснуться вас, – заверил он. – Возле «Белого дома» стоит штатская толпа и требует растерзать вас, но мы объявим, что если кто-то из них подойдет тут к фасадному подъезду и хотя бы коснется вас, то мы применим силу, применим оружие. То есть сделаем все для вашей безопасности.

– Нет, не сдадимся! – заголосила опять престарелая баррикадница. – Сдаваться бесчестно!

Но зал безмолвствовал.

Баранников заявил:

– Все вы честно выполнили свой долг и можете с чистой совестью покинуть этот дом.

Слушатели по-прежнему молчали.

И тогда пришлось произнести мою последнюю парламентскую речь:

– Ясно, что мы здесь на пороге гибели. Ожидается ракетная атака вертолетов. Затем впустят сюда толпу уличных головорезов. Превратят этот

зал в кровавое месиво из наших трупов. Сопротивление уже бесцельно. Мы можем лишь выбрать одно из двух: решиться на коллективное самоубийство или уйти отсюда побежденными, но живыми и способными далее продолжать нашу политическую борьбу. Надо, по-моему, согласиться с офицерами Альфы. Да или нет?

– Согласны! Мы согласны! – закричали из зала с явным облегчением.

На подиум президиума вступил заместитель спикера Агафонов:

– Наши возможности исчерпаны. Ради сохранения наших жизней, ради сохранения сил, чтобы дальше жить и работать, мы должны уйти отсюда.

В «Белом доме» офицер Альфы подполковник Владимир Келехсаев («Володя») с мегафоном, офицер Альфы Сергей Кузьмин, депутат Иона Андронов (слева) убеждают депутатов и служащих парламента закончить сопротивление кремлевским войскам. 04.10.1993, 5 часов вечера.

Офицеры Альфы известили по мини-рации свое командование о готовности парламента капитулировать. Бронетанковая канонада умолкла. Вместе с Баранниковым и парламентерами я отправился на пятый этаж к Хасбулатову и Руцкому.

Хасбулатов, Руцкой, Ачалов, Дунаев и Воронин уже сидели в креслах, а не на полу, в гостиной для приема важных персон. У разбитого окна примостился на стуле Владимир Тараненко – единственный оставшийся с Руцким из дюжины кремлевских телохранителей недавнего вице-президента.

Тараненко держал на коленях автомат и просигналил мне ладонью, чтобы я не загораживал от него офицеров Альфы. Они предложили руководителям обороны «Белого дома» одобрить решение депутатов и отдать всем приказ сложить оружие.

Хасбулатов спросил:

– Верно ли, Иона Ионович, что депутаты и служащие парламента решили прекратить сопротивление и сдаться?

– Да, верно, Руслан Имранович. И это, несомненно, разумное решение.

– Так тому, выходит, и быть? – обратился Хасбулатов к остальным.

– Да, мы сдаемся, – сказал Руцкой парламентерам. – Но нам известно о секретном приказе из Кремля убить меня и Хасбулатова якобы в перестрелке или при нашей капитуляции.

«Володя» ответил:

– Мы клянемся офицерской честью не позволить никому убить вас. При вашем отъезде из «Белого дома» вас обоих будут охранять бойцы Альфы.

– Куда нас отвезут? – спросил Руцкой.

– Этого мы еще не знаем.

– Сможете ли довезти до иностранного посольства?

– Пока не знаем.

В комнату стремительно вошел генерал Макашов и принялся сходу убеждать офицеров Альфы в незаконности полученного ими приказа штурмовать парламент. Хасбулатов охладил генерала:

– Ваши слова, Альберт Михайлович, уже несвоевременны.

«Володя» сказал:

– Нам пора в штаб командования. Мы вернемся сюда через полчаса. И тогда вы должны сложить оружие. До этого артобстрела не будет.

Когда он и его напарник ушли, Руцкой выпалил:

– Меня и Руслана все равно убьют, если мы не окажемся в иностранном посольстве! Этого надо добиться во что бы то ни стало. Нет сейчас иного спасения от убийства!

Розовые пятна проступили на его вспотевшем лбу и щеках.

Через пять минут после ухода альфовцев в «Белом доме» снова затряслись стены: возобновился бронетанковый обстрел. Кровохмельные ельцинисты хотели сорвать нашу неугодную им спасительную капитуляцию.

Изуродованное снарядами здание, казалось, вот-вот обрушится и раздавит людей своими руинами. К счастью, строят у нас все же не хуже, чем делают танки. Они утюжили «Белый дом» минут пятнадцать подряд. И как только вроде бы унялись, я спустился на третий этаж к парадной лестнице, усыпанной гильзами и битым стеклом. Там еще держали оборону наши вооруженные ополченцы.

Вдруг все обернулись на грозный выкрик:

– Бросай оружие!

Из темного жерла коридора, ведущего к Палате национальностей, вышли с карабинами наперевес роботоподобные фигуры в зеленых бронекольчугах и шаровидных шлемах с прозрачными пулезащитными

намордниками. Это были гвардейцы Альфы. Их пальцы лежали на курках вскинутых карабинов.

Наши бойцы застыли, но не бросили оружия. Они и альфовцы выжидающе глядели друг на друга. Никто не выстрелил первым. Никто не хотел умирать в последнюю секунду штурма.

Беззвучную паузу прервал голос Макашова. Генерал скомандовал:

– Сложить оружие.

Ополченцы подчинились, но стали яростно швырять на мрамор пола и ступеней лестницы свои автоматы, пистолеты, штыки, обоймы патронов. До сих пор в ушах этот оружейный звон и скрежет прощальных мгновений обороны парламента.

Генерал Макашов обернулся ко мне:

– Раньше я всегда, Андронов, считал правильными ваши действия и выступления. Но сегодня из-за вас совершена непоправимая ошибка. Вы сами пострадаете и пожалеете о содеянном.

– Зато, – ответил я, – живы вы, ополченцы и еще четыреста душ. Будущее покажет – кто прав: вы или я.

Он скривился и отвернулся. И опять скомандовал:

– Построиться! Приготовиться к выходу.

Ополченцы по двое в ряд образовали длинную колонну и начали выходить из здания под дулами конвоя Альфы. Пленных с поднятыми руками обыскивали, выводили на набережную и заталкивали в автобусы. Затем увозили не к станциям метро, как посулили нам альфовцы, а в милицейские участки. Там арестантов загоняли в зарешеченные камеры, избивали, допрашивали и заново били, били, били. Но это я узнал впоследствии.

Не видел я и как арестовали Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Баранникова, Дунаева, Ачалова и увезли под конвоем в спецтюрьму госохранки Лефортово. При аресте Руцкого присутствовала в «Белом доме» легендарная Сажи Умалатова, народный экс-депутат СССР, которая подарила мне потом ее эпистолярное свидетельство о том незаурядном эпизоде:

«Когда ранним вечером 4 октября в «Белом доме» прекратилось сопротивление штурмовикам, я и депутат Иван Арчилович Шашвиашвили услышали душераздирающий крик на пятом этаже. Я изумилась:

– Это кто орет?

– Ну, кто еще? Конечно, Шурик, – отозвался невозмутимый Шашвиашвили.

Мы поднялись на пятый этаж. Орал действительно Александр Руцкой в окружении военных. С раскаленными красными щеками он в истерике кричал, тряся автоматом:

– Смотрите, я не стрелял! Автомат у меня в масле! Видите, видите! Даете гарантии, что сохраните мне жизнь?

Это было постыдное зрелище. Военные пытались спустить Руцкого на первый этаж, чтобы вывести его из здания. Сгорая от стыда перед военными за его поведение, я подлетела к нему, резко схватила под руку и жестко произнесла:

– Александр Владимирович, мы за вами пришли!

Он замолчал, и мы спустились вниз. На первом этаже у парадного входа генерал Руцкой начал опять истерически кричать:

– Визите в турецкое посольство! Дайте слово, что сохраните жизнь!

Военный ответил:

– Даю офицерское слово, что мы сохраним вам жизнь.

Я подумала: «Почему именно в турецкое посольство? Какой позор! Опять истерика».

Его увезли в Лефортово. Выйдя из тюрьмы по амнистии, Руцкой заявил в ответ на вопрос журналистов – кто с ним был в последний момент перед выходом из Верховного Совета и арестом:

– Со мной не было красно-коричневых.

Руцкой соврал даже в этом. Он захотел, возможно, скрыть свою трусость. Но вряд ли это возможно скрыть».

Вместе с пленными оборонцами «Белого дома» меня обыскали и вывели из парадного подъезда на площадку перед лестничным широким спуском к набережной Москва-реки. Вечерние сумерки затенили серое небо. Но у меня рябило в глазах от ослепительного пожарища над головой и огненных вспышек трассирующих пуль.

На набережной скопилось множество броневиков и пехотинцев десантных войск. А позади них за узковатой речкой я увидел на другом берегу тысячи москвичей. Они запрудили и примыкающий к боку «Белого дома» конец проспекта Нового Арбата.

Сотни горожан взобрались даже на крыши всех окрестных домов. Но отовсюду они созерцали агонию парламента совершенно безмолвно, неподвижно, как бы безучастно. Вот что поразило меня в тот вечер и незабываемо поныне.

– За кого они здесь? – спросил я одного и моих конвойных альфовцев. – За Верховный Совет или за Ельцина?

– Ни за кого, – буркнул он. – Просто сбежались поглазеть.

И впрямь, не было нигде среди несметных тысяч зрителей ни каких-либо флагов, ни митинговых плакатов, ни единого признака протеста. Зато немало зевак запаслось биноклями и фотоаппаратами. Их привлекло сюда лишь обывательское любопытство к смертельной схватке за власть над нашей страной.

Такое же холопское безразличие подметил у нас с давних царских времен великий Пушкин: «Народ безмолвствует». Так было в Москве четыреста лет назад при самодержце Борисе Годунове, так повторилось при пушечном воцарении Бориса Ельцина.

(Дальнейшие события того черного дня описаны подробно еще в 1999 году в моей репортажной книжке «Под огнем от Афгана до Москвы». Текст есть в Интернете на персональном сайте Ионы Андронова).

Минуло тридцать лет. У читателя моих сегодняшних воспоминаний может, предполагаю, возникнуть вопрос – а что было бы с нашей страной, коли кровопролитной осенью 1993 года генерал Макашов захватил бы телецентр Останкино и оттуда Руцкой провозгласил себя победоносным президентом всей России?

Что было бы, если бы по призыву Хасбулатова его воображаемые танкисты сумели бы «взять штурмом Кремль и узурпатора, преступника Ельцина и заключить его в тюрьму «Матросская тишина»?

Отвечаю: я не предсказатель. Однако три с половиной года пока существовал российский парламент мне довелось сотрудничать служебно чуть ли не ежедневно с Хасбулатовым и Руцким. Поэтому знаю – какой правящий режим в России они бы возжелали возглавить. На сей счет их обоих я предпочел ранее деликатно не дискредитировать. Как оказалось, зря. Недавно они публично меня обокрали.

Американский телеканал You Tube демонстрирует по-русски интервью Руцкого киевскому русофобу-телевизионщику Дмитрию Гордону. Руцкой рассказывает о капитуляции в «Белом доме» 4 октября 1993 года:

– Здание «Белого дома» как аквариум: внешние стены стеклянные. Обороняться невозможно. Под конец бронетанковой стрельбы проникла в «Белый дом» группа Альфа. Ко мне пришел командир Альфы. Я дал команду пропустить. Пропустили. Он говорит:

– Ну, Александр Владимирович, ты же умный человек, мы с тобой ровесники. Нам дали команду перебить вас. Но мы делать этого не будем. Я тебе гарантирую, Саша, что мы выведем отсюда людей, посадим их на автобусы, потом отпустим.

Он говорит мне – с этим надо заканчивать. Мы с ним посидели, потолковали. Он спросил:

– У тебя оружия нет?

Я отдал ему мой пистолет. Вот и все.

Аналогичное вранье кинофицировал Руслан Хасбулатов в октябре 2019 года в лже-документальном фильме модного нынче ура-патриота Николая Бурляева «Отменивший войну». Хасбулатов актерствует:

– Когда парламентеры Альфы вошли в Белый дом, то мне об этом сказали. Их было двое. Один из этих офицеров выступил вперед и сказал:

– Меня зовут Володя. Нам приказано очистить Белый дом. Но делать это силой мы не хотим. Мы просим вас не противиться.

Я посмотрел ему в глаза. И он мне тоже. Он явно все продумал в соответствии с обстановкой. Это произвело на меня впечатление. Он добавил:

– Вы, как председатель Верховного Совета, должны выполнить свой долг до конца: помогите мне спасти ваших людей.

Это было сказано с такой страстью, что я как-то проникся этим. Мы достигли общей цели.

В заключение сей трогательной киносцены ее режиссер Бурляев, сценарист фильма и интервьюер Хасбулатова, забавно оплошал: на экране стоит рядом с альфовцем «Володей» не Хасбулатов… а Иона Андронов.

«Голенище с усами»

Такое язвительное прозвище дал Руцкому его бывший сослуживец – покойный теперь Геннадий Бурбулис, государственный секретарь РФ, злоязыкий фаворит Ельцина.

На исходе сентября 1993 года усатый Руцкой, став в осажденном «Белом доме» и.о. президента РФ и заодно главнокомандующим без армии, назначил новыми министрами еще трех генералов-отставников, из которых двое были изгнаны Ельциным публично и скандально из Кремля за взяточничество.

Генерал-взяточник Виктор Баранников, назначенец Руцкого на пост министра госбезопасности, заявил в «Белом доме» депутатам:

– Хочу вам доложить, что личный состав министерства госбезопасности России будет соблюдать только нашу Конституцию. Сегодня основная масса руководителей органов госбезопасности прекрасно понимает незаконность указов Ельцина.

Баранников подло обманул нас. 26 сентября он тайно посетил ельцинского премьер-министра Виктора Черномырдина и сообщил ему:

– Цель моего пребывания в Белом доме – вывести оттуда всех там засевших и таким образом прекратить противоборство. Обещаю вам сделать это.

При их встрече присутствовал зам премьер-министра Владимир Шумейко, рассказавший мне о том рандеву через пять лет.

Черномырдин одобрил на словах поступок Баранникова, но решил разгласить дезертирство генерала, так как знал, что Ельцин возненавидел Баранникова, перебежчика к Руцкому, и не простит его если даже тот предаст парламент.

27 сентября московские газеты и телевидение ехидно пересказали, как вчера Баранников в кабинете премьер-министра на Старой площади отрекся от парламента и Руцкого: «Я понимаю, что с этой компанией мне не по пути. Передайте президенту, что я был и остался верен ему. Генерал Дунаев тоже намерен покинуть Белый дом».

Хотя предательство двух министров Руцкого вызвало смятение среди депутатов парламента, ни Руцкой, ни Хасбулатов не прогнали изменников из «Белого дома», не лишили министерских должностей, не отмежевались хотя бы вслух от них.

А ведь четырьмя днями ранее Дунаев, назначенный Руцким министром внутренних дел, тоже обманул парламент:

– Я заверяю депутатов, что подавляющее большинство личного состава органов внутренних дел относится отрицательно к государственному перевороту Ельцина. Принимаются меры к предотвращению использования московского гарнизона милиции против избранной народом власти.

Тех «мер» на деле никаких не было. Наоборот, милицейский ОМОН избивал жесточайше всех манифестантов в поддержку парламента вокруг «Белого дома» и на улицах столицы.

Третий генерал Владислав Ачалов, назначенный Руцким министром обороны, еще больше посулил:

– Хочу вам ответственно доложить: если кто-то опасается, что Вооруженные силы могут сегодня повернуть оружие против депутатского корпуса, против сидящих в этом зале, то этого не произойдет. На подобные глупости никто не пойдет. Когда нужно будет, личный состав войск по нашему требованию, по нашему зову придет сюда целыми частями!

Но «сюда» не пришли «по зову» Ачалова и Руцкого ни «целыми частями», ни хоть бы единственная рота за две недели осады парламента ельцинистами. И в часы штурма не пришли.

2 октября Руцкой в «Белом доме» бахвалился в интервью московской журналистке Ирине Танеевой:

– Если появится желание у Ельцина сюда соваться, то положим здесь ровно столько, сколько попытаются сюда проникнуть! Если пойдет сюда бронетехника и попытается штурмовать нас, мы сожжем и бронетехнику!

Но он 4 октября не послал ни единого гранатометчика поджечь спалившие «Белый дом» танки, хотя возле них не было тогда никакого солдатского охранения.

Ну, разве не ясно – почему депутаты российского парламента осенью 1993 года во главе с такими военачальниками, как Руцкой и его министры не имели никаких шансов пересилить бронетанкового Ельцина?

26 февраля 1994 года Руцкой, Хасбулатов и семеро их сподвижников-узников тюрьмы Лефортово были амнистированы и освобождены. Ельцин вынужденно и молча санкционировал амнистию в обмен на отмену новоявленной Государственной Думой депутатской комиссии по расследованию обстоятельств московских убийств в октябре предыдущего года. Члены комиссии планировали опросить причастных к штурму «Белого дома» высших чиновников и генералов, включая и президента. Комиссию распустили.

Вскоре Руцкой напросился на прием у главы Администрации президента РФ Анатолия Чубайса. Тот в ответ на расспросы журналистов сообщил:

– Руцкой сожалеет, что не смог в свое время достичь компромисса с Ельциным. Александр Руцкой просит у президента личной аудиенции. Он сказал: «Я хотел бы попросить у президента прощения».

Эту просьбу Ельцин брезгливо игнорировал. Тем не менее Чубайс компенсировал неудачу просителя его приемом премьер-министром Виктором Черномырдиным. Руцкой все равно обрадовался:

– Мы пожали друг другу руки, и я предложил Виктору Степановичу возобновить наши отношения с чистого листа. Я готов сотрудничать с Виктором Степановичем и Борисом Николаевичем Ельциным.

Известный военный журналист и ветеран обороны «Белого дома» капитан Владислав Шурыгин осрамил публично Руцкого:

«Когда-то он называл меня своим другом. И я гордился тем, что дружен с удивительным человеком, с летчиком-«афганцем», Героем

Советского Союза Александром Руцким. Он представлялся мне образцом воина, патриота.

Но дружба наша была недолгой. В 1991 году рядом с Ельциным, главным разрушителем советской державы, замаячила знакомая физиономия с моржовыми усами. Его подобострастная преданность новым хозяевам сильно ударила по патриотическому движению. В те месяцы я понял, что научился ненавидеть…

В октябре 93-го наши пути вновь сошлись в «Белом доме». Я был среди его защитников. Очень часто в те дни я думал о том, что же соединяет нас теперь, и как получилось, что за моей спиной, за спинами моих друзей и товарищей находится Руцкой? И не просто находится, но и громко именуется нашим лидером.

Мы несколько раз встречались с ним. О прошлом не говорили…

А потом был расстрел Парламента. Танки били в упор по «Белому дому». Потом расстрелы. Добитые раненные. Аресты. Допросы.

Общая трагедия как-то постепенно сгладила неприязнь. Лефортовское заключение Руцкого заставило забыть старое. Подвиг октября искупал многое.

Но Руцкой снова всех предал! Предал погибших, расстрелянных, добитых. Предал живых. Предал память. Предал друзей. Он вновь бросился к ельцинскому сапогу. Объявил, что он, Руцкой, одобряет и полностью поддерживает Ельцина, расстрелявшего законно избранный Парламент. Мало того – горько сожалеет, что в октябре 93-го выступил против своего президента.

Поистине, нет предела падению и низости человека. Как, во имя чего можно было предать тех, кто сражался и умирал за тебя, кто поверил тебе и пошел за тобой?

Впрочем, я пишу это не для Руцкого. Не пристало мне обращаться к существу без чести, без памяти, без совести.

Просто от имени прошедших через тот страшный октябрь, именем павших, но не сломленных, не предавших, я должен объявить, что мы срываем с Руцкого звание участника октябрьского народного восстания, защитника Верховного Совета. Предавший вся и всех, нет ему места среди нас. Мы выражаем свое глубокое презрение Руцкому.

Владислав Шурыгин (газета «Завтра», 29.09.1998)

Знакомый с Руцким знаменитый генерал Александр Лебедь тоже высказался о нем:

«После 4 октября 1993 года Руцкой перестал существовать для меня как офицер. Если ты что-то можешь, только тогда выходи и говори. Что решил так и так. А чувствуешь слабину внутри, не шуми, юркни в свою мышиную норку.

Генерал Руцкой громогласно заявил в Доме Советов: «Я отсюда не уйду!» По прошествии некоторого времени начал звонить по посольствам с воплем: «Спасите наши души!», просил дать политическое убежище.

Потом сдался, предоставив самим себе людей, которые ему поверили и пошли за ним. В результате побоища пострадали простые защитники Дома Советов, солдаты, милиционеры. Мелкую «монету» разменяли в политической игре, похоронили и забыли о ней. А у Руцкого снова нос в табаке. Опять гарцует к власти. Одни амбиции».

(газета «Правда», 29.09.1995)

Осенью 1996 года Руцкой объявил себя кандидатом на выборах губернатора Курской области, откуда был родом его отец, а он жил там в юности и потому понадеялся на симпатии земляков.

Более того, он 1 ноября добился вновь аудиенции у кремлевского регента Чубайса и поклялся, что никогда «не будет заниматься критикой президента». Противоположное он обещал одновременно председателю российской компартии Геннадию Зюганову, дабы курские коммунисты не забойкотили его.

После избрания новый губернатор посулил по-генеральски жителям Курска:

– Мне понадобиться всего одна неделя, чтобы сделать из города образцово-показательный гарнизон.

И сделал показательно. Своими замами назначил иногородних бизнесменов Владимира Бунчука и Юрия Конончука, прозванных в Курске «Чук и Гек». Через полтора года оба были арестованы за злоупотребление казенными деньгами на сумму в семь миллионов рублей.

Младший брат губернатора Михаил, назначенный старшим замом начальника курской милиции, был привлечен к уголовной ответственности за «мошенничество в крупных размерах».

Привлекли к суду и второго брата губернатора Владимира, возглавившего курский мясокомбинат.

Сын губернатора Александр был приговорен судом к полутора годам лишения свободы условно за попытку контрабанды заграницу 12 тысяч долларов. Он же побывал под следствием после того, как разъезжал по Курску, будучи пьяным, на импортном джипе.

Всего за время губернаторства Руцкого областная прокуратура и управление внутренних дел возбудили 33 уголовных дела против назначенцев Руцкого и его родни.

Самое нашумевшее назначение Руцкого – его постановление в ноябре 1996 года о возведении в должность «советника-полномочного представителя

губернатора по коммерческим вопросам» вожака крупнейшей банды подмосковных гангстеров Якова Юзбашева по кличке Папа Акоп. Об этом оповестили почти все столичные газеты. А губернатор Руцкой заявил политобозревателю «Московского комсомольца» Александру Минкину:

– Что касается Юзбашева, вы увидите, он докажет, что он порядочный человек. В его порядочности я не сомневаюсь.

К тому времени банда Юзбашева, официально названная ОПГ – организованной преступной группировкой, совершила уже 27 убийств в районе подмосковных Пушкино, Ивантеевки, Сергеева Посада. Трупы сбрасывали в большое болото у поселка Лесное. Там неподалеку была у Юзбашева штабная трехэтажная вилла. Он также оборудовал в Лесном подпольный цех по изготовлению фальшивой водки «Столичная» и «Распутин».

ОПГ Юзбашева занималась рэкетом лавочников на подмосковных рынках, обложила данью местных предпринимателей, торговцев, состоятельных фирмачей. Непокорных похищали, пытали, убивали слишком упрямых.

Сам же атаман пристрастился к светской жизни «лихих 90-х» в Москве, сорил деньгами в казино и борделях, скупал золотые украшения, заказывал модные наряды в дорогом ателье модельера Юдашкина. У него шил костюмы и Руцкой, а его жену Людмилу нанял Юдашкин себе в помощницы. Юзбашев познакомился с ней и ее мужем.

В 1991 году Руцкой назначил Юзбашева вице-президентом подшефного ему фонда «Возрождение» для социальной помощи семьям военнослужащих. Юзбашев превратил фонд в прибыльную коммерческую контору со многими полукриминальными филиалами.

Бывший пресс-секретарь вице-президента РФ Руцкого политолог Николай Гульбинский рассказал мне, что Юзбашев несколько раз вручал

Руцкому тысячные пачки долларов. Подарил антикварную саблю и ювелирные часы. Неоднократно Руцкой гостил у Юзбашева в Лесном, застольничал с ним и парился в бане. Руцкой называл прилюдно Папу Акопа «моим лучшим другом».

Губернатор Курской области Руцкой, его «лучший друг» Юзбашев, мафиози Юзбашева и Постановление губернатора Руцкого о назначении Юзбашева «советником-полномочным представителем губернатора по коммерческим вопросам».
(«Из истории курского криминала». 10.01.2019).

Милиция Пушкинского района в июле 1993 года, когда Руцкой уже был в опале у Ельцина, обыскала виллу его «лучшего друга» в отсутствие хозяина, обнаружив внутри 18 стволов огнестрельного оружия и склад гранат. Юзбашев успел спрятаться в Москве, ухитрился приобрести в российском МИДе дипломатический паспорт за долларовую взятку и улетел в Израиль.

Вернулся незадолго до курского губернаторства Руцкого. В амплуа «полномочного представителя губернатора по коммерческим вопросам» Папа

Акоп возглавил областной криминалитет и монополизировал очень доходную торговлю алкоголем своим очередным брендом «Русская водка».

В конце 2000 года курский избирком и областной суд воспретили Руцкому переизбраться губернатором. Спустя полгода Юзбашев был застрелен конкурентами-бандитами в Подмосковье.

Четырехлетнее губернаторство Руцкого в Курской области позволяет спрогнозировать, что в случае гипотетичной победы Руцкого над Ельциным в 93-м году это породило бы в России зеркальную копию ельцинской автократии и коррупции, наименованных ныне на Западе клептократией, то есть «властью воров» в переводе на русский.

«Хасбулат удалой»

(персонаж старинной песни)

22 ноября 2002 года я позвонил Хасбулатову домой, чтобы поздравить с 60-летием. Ответила его супруга Раиса Хасановна:

– Руслана Имрановича нет. Он в Америке.

О том визите Хасбулатова в США нет ни единого слова ни в его многочисленных интервью, ни в мемуарных книгах, ни в иных публикациях о его биографии.

Разгадка таинственного вояжа кроется в череде предыдущих известных выездов Хасбулатова из Москвы после его амнистии в феврале 1994 года.

Через пять дней вслед за освобождением Хасбулатова из тюрьмы Лефортово он внезапно вылетел в Грозный. Там его встретили восторженно толпы чеченцев как национального героя и умудренного страданиями мессию, способного избавить их от гражданской войны и разрухи.

Тогда в Чечне генерал Джохар Дудаев провозгласил независимость республики от Кремля, и его гвардия сражалась безуспешно против ополчения восставших станиц на берегах реки Терек.

Хасбулатов обосновался в родном селе Толстой-Юрт, названном в память побывавшего здесь в позапрошлом веке Льва Толстого, создал свой политический штаб и заручился поддержкой нескольких вооруженных отрядов. Его уже прочили в президенты Чечни.

Либеральная газета «Московские новости» констатировала 29 мая 1994 года:

«В Чечне возник призрак возрождения на политической арене экс-спикера российского парламента Руслана Хасбулатова в роли лидера антидудаевской оппозиции. Если это произойдет, тогда Ельцину придется встречаться лицом к лицу с Хасбулатовым. Этот вариант психологически непереносим Ельциным настолько, что уж лучше общение с Дудаевым. Между тем Хасбулатов – единственный из чеченских политиков – открыто

выступает за единую и неделимую Россию. Другие на такое признание идти не рискуют».

15 октября ельцинисты попытались одним махом нейтрализовать Хасбулатова и устранить Дудаева. Командование российского гарнизона у северного рубежа Чечни вооружило врагов Дудаева на Тереке и отправило их штурмовать Грозный. Беспорядочная атака захлебнулась в тот же день и кончилась бегством ее участников.

Спустя месяц вторая российская попытка захватить Грозный тоже провалилась. Хасбулатов ретировался в Москву. Победитель Дудаев легко внушил чеченцам, что он их наилучший защитник от нападений наймитов Москвы.

Затем последовали две так называемые чеченские войны. Дудаев был убит. Новый российский президент Владимир Путин срежиссировал избрание угодным ему президентом Чечни муфтия Ахмата Кадырова. Тем самым замыслы Хасбулатова стать чеченским правителем опять улетучились.

В августе 2002 года московские газеты сообщили сенсационную новость: Хасбулатов выступил в столичном Доме журналистов с отчетом о своем плане урегулирования чеченского конфликта совместно с лидером антироссийских сепаратистов Асланом Масхадовым. Его план, как сказал Хасбулатов, он согласовал в Лихтенштейне с приехавшим туда эмиссаром Масхадова лондонским эмигрантом Ахмедом Закаевым. Хасбулатов объявил:

– В конечном итоге мы совершенно четко сказали, что Чечня не может быть дальше в составе России. Между нами 200 тысяч трупов. Надо вести переговоры с Масхадовым. А тех, кто за ним не выйдет, мы повесим на самом высоком суку.

(газета «Коммерсантъ», 31.08.2002).

Этот сговор Хасбулатова в Лихтенштейне с воевавшими против России чеченскими сепаратистами официально спонсировал «Американский комитет за мир в Чечне». Впоследствии тот же комитет негласно профинансировал дальнейшие антироссийские акции Хасбулатова в Копенгагене, Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне.

«Американский комитет за мир в Чечне» (АКЧ) был учрежден в 1999 году экс-директором ЦРУ США Джеймсом Вулси. Он после отставки возглавил Попечительский совет американской организации «Дом свободы», подшефной ЦРУ и опекавшей антисоветское подполье внутри СССР, а потом «пятую колонну» в Российской Федерации. Общая штабная резиденция АКЧ и шпионажного «Дома свободы» находилась в Нью-Йорке на манхэттенской 21-й стрит, куда я однажды попытался к ним наведаться, но был вышиблен оттуда тремя здоровенными борцами за «свободу» и «мир в Чечне».

ЦРУшник Вулси назначил сопредседателями АКЧ бывшего президентского советника по национальной безопасности США Збигнева Бжезинского и экс-госсекретаря США Александра Хейга.

Ярый русофоб Бжезинский стал идеологом американского «мира в Чечне». Бжезинский вознамерился использовать независимость для мусульманской Чечни в качестве детонатора цепной реакции отпада от России на северном Кавказе мусульманских Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии. И воссоединения их вместе с Чечней в «Эмират Кавказа», враждебный к России.

Исламский «Эмират Кавказа», как возмечтал Бжезинский, вдохновит мусульман Татарстана и Башкирии тоже провозгласить независимость. А это в свою очередь возбудит сепаратистов-буддистов в Калмыкии, дальневосточной Бурятии и даже шаманистов-тенгриан в Саха-Якутии. Мечты русофоба, к счастью, умерли еще до его похорон в 2017 году.

А до того Хасбулатов открыто признал в 2002 году, что им в Лихтенштейне «обсуждались планы Збигнева Бжезинского». В результате и возник у Хасбулатова «План мира для Чеченской республики». Его суть Хасбулатов изложил в двух интервью московской «Новой газете», осуждавшей контр-террористичные операции российских войск в Чечне. Хасбулатов заявил (28.01.2002, 28.02.2002):

– Чечня и Россия – это два разных государства. Уже долгие годы Чечня практически является самостоятельным государством. Сделать Чечню «в составе России» уже невозможно. Война нанесла Чечне раны, несовместимые с совместной жизнью. За две жестокие войны, которые Россия вела против чеченского народа, отчуждение между двумя народами велико и продолжает увеличиваться. От любви до ненависти – один шаг. Отчуждение сегодня надо воспринимать как данность, от которой никуда не уйти.

– Чечня должна иметь право на гарантии на то, что сегодня мощная держава не оккупирует ее территорию. И более того: Россия берет на себя обязательство содействовать вхождению Чеченской республики в международное сообщество. Республике необходим особый статус. Я опасаюсь: если конфликт не будет завершен, то, возможно, он распространится и на другие республики Северного Кавказа. Распад России может начаться…

28 октября 2002 года Хасбулатов прилетел в Копенгаген и принял участие в европейском сборище чеченских эмигрантов под названием «Всемирный чеченский конгресс». Сбежавшие из Чечни воинственные сепаратисты призвали к ее независимости под именем Ичкерия. Они заседали два дня в зале отеля «Рэдиссон – Скандинавия», где в президиуме красовался Хасбулатов, который пообещал лично доставить манифест «конгресса» в Кремль.

В те дни Хасбулатов демонстративно пренебрег российским трауром поминовения погибших тогда на столичной Дубровке 130-ти заложников банды террористов из Чечни. С недавними террористами побратался Хасбулатов и в Копенгагене. Там 30 октября пресс-атташе посольства России в Дании Николай Карасин заявил:

– На чеченском съезде в Копенгагене значились в списке участников 80 фамилий тех людей, которые преследуются Россией за международную террористическую деятельность. Эта информация была передана датской полиции еще до начала конгресса в Копенгагене.

31 октября газета «Московский комсомолец» опубликовала корреспонденцию о чеченском слете в Копенгагене:

«В интеллектуальный штаб конгресса входил Руслан Хасбулатов. Он приехал туда со своими предложениями. Хасбулатов имеет свой план чеченского урегулирования. В этот план входит предание Чечне особого статуса, при котором она уже не субъект РФ, а что-то вроде международного протектората. По этому плану в Чечню необходимо ввести войска ООН и только потом проводить под эгидой ООН выборы и референдум. Подобные предложения и звучали на конгрессе».

Хасбулатов оповестил, что его план поддержан европейским послом Ичкерии и инициатором копенгагенского конгресса Ахмедом Закаевым, а также воюющим в Чечне знаменитым комполка Русланом Гелаевым.

Гелаев был на закате второй чеченской войны едва ли не последним боеспособным супостатом российского воинства. Он совершал, как абрек, разбойничьи набеги на российские гарнизоны из своей недоступной им приграничной с Чечней базы на территории соседней Грузии – из горного Панкисского ущелья. Там командовал Гелаев целым полком спецназа «Борз», («Волк»). Он отличался крайней жестокостью. Зачастую казнил пленников самолично. Еще в советские времена имел две судимости за разбой.

Под стать ему и Закаев. До эмиграции в 1999 году был в самозванной Ичкерии «генералом бригады особого назначения». Зверствовал. Интерпол по заявке Генеральной прокуратуры России затребовал арестовать Закаева и предать суду в РФ «за терроризм, захват заложников, похищения людей, убийства, бандитизм, разбои».

Хасбулатов (справа) и эмиссар чеченских террористов Закаев
в Копенгагене 29 октября 2002 года

30 октября 2002 года начальник датской полиции Хенне Бек Хансон официально объявил, что Закаева подозревают в соучастии в подготовке теракта на московской Дубровке. Но вместо экстрадиции террориста в Москву ему позволили спешно вылететь из Копенгагена в Лондон.

Спустя полгода в Лондоне магистратский суд все же рассмотрел запрос Интерпола и российской Генпрокуратуры о выдаче Закаева для суда в РФ по

обвинениям в терроризме, похищении людей, убийствах. Все это британский адвокат преступника Эдвард Фицджеральд ловко опротестовал:

– Не было никаких убийств! Об убийствах можно говорит только в мирное время. А на военное время закон не распространяется. Закаев действовал из самозащиты.

На сей счет высказался и прилетевший в Лондон «эксперт защиты» Закаева его приятель Хасбулатов:

– Просто смешно, что в обвинении не упоминается о войне. Можно подумать, что какие-то бандиты кого-то убили в Подмосковье.

Между тем обвинение убийцы гласило, что он совершил свои преступления в пору военных действий против террористов в Чечне. Соответствующая международная Конвенция ООН узаконила еще в 1968 году, что такие военные преступления, как похищения людей и их убийства, не имеют срока давности.

Однако лондонский судья отверг все обвинения террориста и позволил ему обосноваться в Англии. Журналисты спросили его:

– Бывший спикер российского парламента Руслан Хасбулатов заявил, что поддерживает с вами постоянные контакты. Это действительно так?

– Безусловно, – ответил Закаев. – Я нахожусь в постоянном контакте с Русланом Хасбулатовым.

А тот вскоре после лондонского новоселья Закаева посетил сугубо конфиденциально США. Встретился с Бжезинским и спецами «Американского комитета за мир в Чечне». Они одобрили его действия с прицелом возглавить независимую республику, но порекомендовали повременить на несколько месяцев, чтобы дать им необходимое время на вербовку пособников Хасбулатова среди ключевых вожаков Ичкерии вдобавок к Закаеву и Гелаеву.

Однако конспиративная команда профессиональных «ликвидаторов» ГРУ (Главного разведывательного управления Генштаба вооруженных сил РФ) уничтожила, начиная с 2002 года, одного за другим главных злодеев Ичкерии – Самера Хаттаба, Зелимхана Яндарбиева, Руслана Гелаева, Аслана Масхадова, Шамиля Басаева, Доку Умарова.

Посему Хасбулатов в те годы опасливо прекратил интриги с целью возглавить свою будто бы независимую отчизну под надзором чужеземной армии.

Отныне он уже не заикался о его чеченском плане разрыва с Россией. Стал безмятежным москвичом-преподавателем экономического университета имени Г.В. Плеханова.

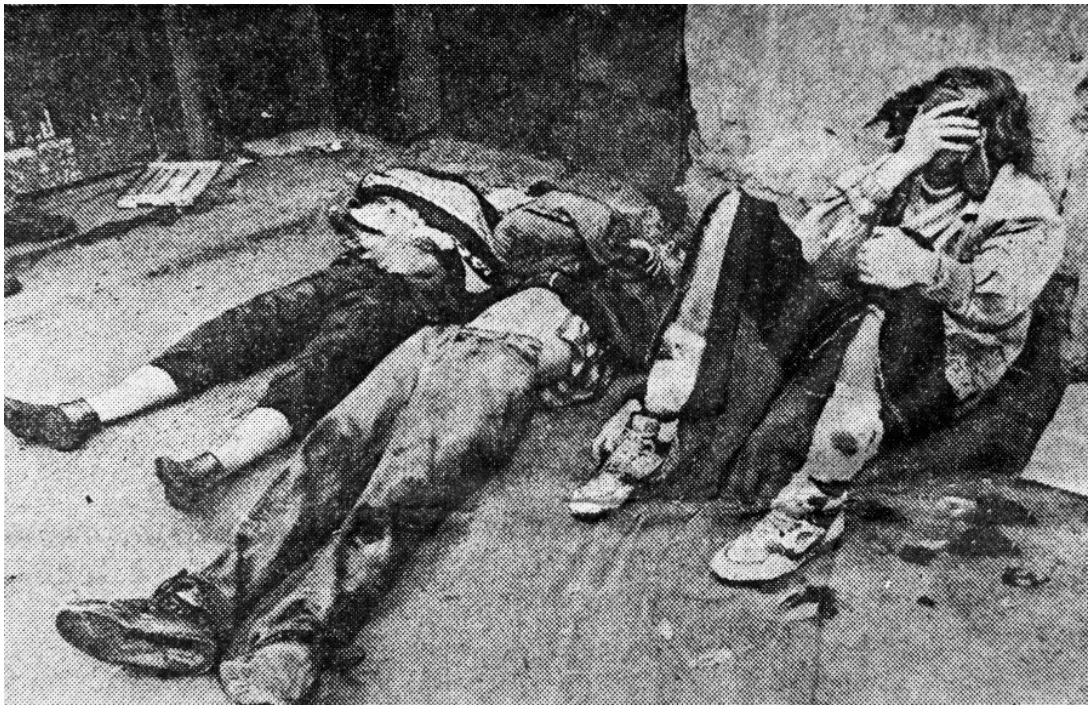
Мое прежнее общение с Хасбулатовым позволило распознать основное свойство его повадок – коварство. Особое кавказское коварство.

В отличие от него давний его партнер – пожилой лондонец Закаев – заново взялся за старое. Летом 2022 года он прилетел в Киев и уведомил тамошнего президента Владимира Зеленского о том, что уже вроде бы сформировал батальон из чеченских эмигрантов, «имеющих многолетний опыт войны с Россией», для повторной войны против российской армии в составе украинского Иностранного легиона.

Что ж, как говорится, горбатого только могила исправит.

Хасбулатов мирно похоронен по-мусульмански в Чечне в родовом селе Толстой-Юрт 5 января 2023 года.

Трупы черного октября



Уличные баррикадники у стен «Белого дома». 4 октября 1993 г.

После бронетанкового штурма «Белого дома» утром следующего дня, то есть 5 октября 93-го, позвонил моей жене Валентине домой из посольства США дипломат-разведчик Луис Сел и успокоительно сообщил, что нет Андронова ни среди убитых вчера, ни среди арестованных. За эту весть жена прозвала спецосведомленного Села «ангелом-хранителем».

А меня спасла тогда подпольно старушка-пенсионерка тетя Нина, приютив погромной ночью в ее однокомнатной квартирке по соседству с «Белым домом», черным сверху наполовину от пожара.

Весной 1994 года, накануне полугодовщины прошлогодней бойни в Москве, позвонил мне Сел и пригласил в гости вместе с Валей на обед у него 30 марта.

В его квартире, памятной мне с ночи перед кровавым 4-м октября, мы познакомились с миссис Кэти Сел, приветливой миловидной дамой средних

лет без макияжа. Ей вручил я букетик светло-фиолетовых хризантем. До обеда она предложила гостям по бокалу вина в их гостиной.

В гостиной с большущим окном во всю стену и до пола были раздвинуты шторы. За окном – Конюшковская улица и вдоль нее высокая бетонная ограда стадиона «Красная Пресня» с дырами насквозь от пулеметной пальбы.

Глядя на побледневшую мою жену, Кэти Сел промолвила:

– Боже мой, представляю, как тогда вы тревожились за своего мужа.

Валя сказала:

– Когда по телевизору показывали кадры вашего Си-эн-эн с лежащими убитыми и ранеными у Белого дома, я дрожала в ожидании разглядеть серо-красную куртку мужа.

– Какой ужас! – вздохнула американка. – А у наших посольских соседей окна квартиры были разбиты пулями. Я пряталась с женщинами и детьми в нашем полуподвальном гимнастическом зале. Утром 5 октября Луис видел из нашей квартиры груды трупов (the piles of corpses) на стадионе.

– Хм, примерно так, – отозвался неохотно Сел, смущенный, очевидно, эмоциональным прямодушием супруги.

– Но ты же, Луис, видел эти трупы! – воскликнула она. – Ведь ты видел трупы на стадионе!

– Да, видел, – кивнул он угрюмо.

По его виду было ясно, что он обеспокоен: вдруг я начну возмущаться поведением вашингтонской дипломатии в ту пору. Но я, будучи в гостях, не стал попрекать понапрасну сообщников Села.

В минувшем 2022 году я прочел в полученной из США мемуарной книге Луиса Села «Из Вашингтона в Москву»:

«В 1993 году Ельцин успешно сокрушил непримиримый мятеж, который угрожал захватом ключевых учреждений русской столицы. У Ельцина почти не было иного выхода кроме применения силы после того, как его оппоненты начали вооруженное восстание».

На стадионе рядом с «Белым домом» я побывал вскоре после октябрьского побоища. Оттуда уже вывезли мертвецов. Футбольное поле лежало в комьях грязи с бороздами от шипов бронемашин. С левого края валялись переломанные деревяшки скамеек для зрителей. Справа горбатился жестяной сарайчик, изрешеченный дырками от выстрелов пулемета.

Ограда стадиона вдоль Конюшковской улицы состояла из вертикальных бетонных плит. Четыре из них были сплошь исколоты пулевыми вмятинами и зияли дюжиной сквозных пробоин мощного пулемета – от земли до высоты человеческого роста. Место массового расстрела.

Итог стадионной казни повидал знакомый мне общественный деятель-москвич Юрий Евгеньевич Петухов. В октябре 93-го его дочь – 19-летняя студентка Наташа – помогала обороне «Белого дома» и была смертельно ранена. Об этом несчастный отец составил письменное показание:

«4 октября я узнал от друзей Наташи о ее гибели, но где это произошло они толком не знали. Ранним утром 5 октября, еще затемно, я подъехал к горевшему «Белому дому». Рядом лежало несколько расстрелянных молодых ребят без обуви и ремней. Я подошел к оцеплению молодых танкистов с фотографией Наташи, и они сказали мне, что много трупов на стадионе. Я зашел на стадион. На стадионе было очень много расстрелянных людей. Часть из них была без обуви и ремней, некоторые раздавлены. Я искал дочь и обошел всех расстрелянных и истерзанных… Я опознал Наташу в морге 7 октября».

«Экспресс газета», 22 июля 2019 г.

До сего дня не оглашено официально – сколько расстреляли ельцинисты защитников «Белого дома» на соседнем стадионе «Красная Пресня». На основании опросов нескольких уцелевших там надежные публикаторы сообщили порознь о шестистах убитых. Это обнародовали:

Историк Валерий Шевченко в книге «Жертвы черного октября 1993», Москва, 2018;

Книга «Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России», Москва, 1994;

Газета «Правда», Москва, 23 декабря 1993 г.

Мне лично известно, как Ельцин перед штурмом «Белого дома» назначил его комендантом после захвата генерала Аркадия Баскаева, командующего внутренними войсками МВД в Московском округе. Будущий комендант спросил:

– Куда конвоировать пленных?

Ельцин ответил:

– В капусту всех, в капусту!

Ельцин подразумевал шинковку пленников вроде капусты кухонным секачом. Смертельный шутник.

Подобное поручение он дал во время штурма 4 октября и своему начальнику Службы безопасности президента генералу Александру Коржакову:

«Президент сказал мне тихо, но достаточно твердо: «Александр Васильевич, самое лучшее, если представится такая возможность, надо кончать обоих (надеюсь, понятно – кого. – А.К.) на месте, чтобы другим было неповадно». И я потом действительно держал пистолет на боевом взводе с патроном в патроннике и, наверное, выполнил бы эту неформальную просьбу Верховного…»

(Александр Коржаков «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие», Москва, 2004).

Ранее корреспондент «Московского комсомольца» Леонид Крутаков спросил однажды Коржакова:

– Кого Ельцин приказал Коржакову «замочить»?

– Хасбулатова и Руцкого в девяносто третьем году, – сказал Коржаков.

(«МК», 3 ноября 1999 г.)

Не «замочил» только потому, что во время пленения Хасбулатова и Руцкого их окружала большая группа тоже пленных депутатов. А я вместе с остальными пленниками уже вышел из «Белого дома» на парадную широченную лестницу к речной набережной. Туда после ареста Руцкого и Хасбулатова явился Коржаков и крикнул оцепившим нас солдатам:

– У меня приказ – ликвидировать всех, кто в форме!

(Данный факт зафиксирован в документальной книге «Анафема. Хроника государственного переворота», страницы 404, 440, 465. Санкт-Петербург, 1995 и в Википедии об А.В. Коржакове).

Коржаков во главе отряда штурмовиков фильтровал пленников:

«Образовали своеобразный КПП (контрольно-пропускной пункт – И.А.). Я проверял удостоверения и бросал их в спортивную сумку. Набралась полная сумка именных удостоверений. Процедура досмотра продолжалась больше часа. Тех, у кого были офицерские удостоверения или какие-то казачьи или приднестровские документы, отводили отдельно. Особое внимание обращали на руки: если закопченные в оружейном нагаре, а указательный палец натерт от спускового крючка, уводили на первый этаж под охраной».

(Александр Коржаков «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие»)

«Уводили под охраной» на стадион «ликвидировать». Тогдашний Генеральный прокурор РФ Валентин Степанков поведал ныне:

– Людей арестовывали по указу президента. Арестованных свозили на стадион возле Белого дома. А я, как и многие, помню чилийские события. Параллель с тем стадионом. Я дал команду своему прокурорскому работнику поехать на стадион, где хозяйничал тогда Коржаков. Он заявил моему сотруднику: «Наше терпение по Степанкову кончилось». После чего последовала моя отставка.

(Интервью Степанкова журналисту Александру Братерскому, Газета.ru, 2 октября 2018 г.)

Общая численность убитых 4 октября 1993 года засекречена поныне. Лишь через полгода после штурма «Белого дома» Генеральная прокуратура

РФ, подчиненная уже Ельцину, оповестила наконец «результаты предварительного следствия»:

«Погибли у «Белого дома» и других мест – 103. Сведениями о численности погибших внутри «Белого дома» следствие не располагает».

Как общеизвестно, «погибли у «Белого дома» его безоружные баррикадники. А причину безвестности «численности погибших внутри «Белого дома» разъяснил мне бывший следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Леонид Прошкин, основной расследователь московской трагедии 3-го и 4-го октября 1993 года:

– После штурма Белого дома военное командование допустило туда наших следователей только 7 октября.

Стало быть, устроили «зачистку» – потайной вывоз трупов оттуда три ночи подряд.

Тем не менее весьма сведущая газета «Нью-Йорк таймс» напечатала 5 октября сообщение своего корреспондента из Москвы: «Помощник мистера Ельцина генерал Дмитрий Волкогонов заявил, что 500 человек убиты, быть может, в здании парламента».

Генерал Волкогонов, бывший зам начальника Главного политуправления советских вооруженных сил, прежний пламенный комиссар-коммунист, переметнулся к Ельцину, стал столь же пламенным антисоветчиком и очень гордился тем, что инструктировал персонально танкистов как палить прицельно по «Белому дому», чтобы «танки поражали сразу 2-3 комнаты».

(«МК», 2 ноября 1993 г.)

Однако он по части похвальбы в американской прессе полутысячным убийством в резиденции парламента вызвал недовольство у Ельцина. Тот сам

пожелал заверить американцев в том, что он вовсе не многосерийный киллер–маньяк. Это засвидетельствовал Луис Сел в его мемуарах:

«Два дня спустя после октябрьских боев я сопроводил нового нашего посла Пикеринга на его первую встречу с Ельциным. Хотя верхние этажи русского «Белого дома» еще догорали, Кремль оставался островом благополучия. Ельцин принял нас в большом церемониальном офисе. Он выглядел уставшим и подавленным. Его лицо было опухшим, а глаза как щели в пузырях. Он выглядел намного хуже, чем раньше при моих встречах с ним. Когда Ельцин сказал, что 80 человек погибли внутри «Белого дома», он произнес это, казалось бы, с болью. Ельцин высказал благодарность президенту Клинтону за публичную поддержку во время здешнего кризиса».

Борис Николаевич был всегда, бесспорно, искусным лицедеем. Даже опухшим с похмелья.

По-настоящему достоверные сведения о погибших защитниках «Белого дома» я получил, как не удивительно, от всего лишь школьного учителя математики Евгения Владимировича Юрченко. Он, москвич, был, впрочем, активистом правозащитного общества Мемориал. А ведь сопредседатель Мемориала лютый антисоветчик Сергей Ковалев громко благодарил Ельцина за разгром парламента, обзывая его «цирком, бунтом, антисемитским».

Вопреки сему Юрченко в октябре и ноябре 93-го разыскал негласно несколько тайных захоронений оборонцев парламента. К отважному математику присоединились еще двое строптивых «мемориальцев» – Виктор Коган-Ясный и Олег Орлов. Помимо столичных моргов они побывали на загородном Николо-Архангельском кладбище и расспросили там украдкой могильщиков. Юрченко поведал мне:

– На том кладбище построен крематорий. Там работники рассказали, что ночью с 5-го октября на 6-е и еще две ночи до утра 8-го приезжали к ним грузовики с зачехленными кузовами, заполненные трупами в пластиковых

мешках. Шофера и разгрузчики проговорились, что их доставка – тела убитых в бою за Белый дом. Кремация трупов проводилась без обычного оформления документов. Прах выбросили.

– Сколько покойников доставили в целом?

– Около четырехсот. Регистрации не было. А вот на Хованском кладбище сотрудница крематория показала нам ее список безымянных мертвецов, привезенных туда за три ночи после штурма Белого дома. Их было 94.

– Больше таких же не обнаружили?

– За нашими розысками уже установили слежку и подвергли сильному давлению работников посещаемых нами крематориев. Служащие Митинского кладбища сказали нам: «Начальство строжайше запретило разговаривать с вами».

«Однако журналистам газеты «Ступени» (13.11.1993) удалось выяснить, – сообщает теперь московский историк Валерий Анатольевич Шевченко, – что трупы из «Белого дома» свозились в Митинский крематорий, который работал несколько суток в три смены».

(Валерий Шевченко «Жертвы черного октября», Москва, 2018).

Коган-Ясный сказал мне:

– Нам пришлось прекратить расспросы на подмосковных кладбищах, так как стали угрожать Евгению следившие за ним мужчины в штатском: «Мы тебя пока не тронем, но у тебя есть дочка…»

Во дворе его дома перевернули автомобиль Юрченко. Потом на улице в него выстрелили из проезжавшей мимо «Волги».

Я спросил Юрченко:

– Как вам удалось провести ваше расследование, хотя руководство Мемориала одобрило разгром парламента?

Он ответил:

– Руководство Мемориала смотрело косо на расследование и ничем не поспособствовало. Не воспрепятствовали, ибо я тогда был влиятелен в Мемориале, сам состоял в руководстве. Позже утратил влияние.

Ситуация резко изменилась, когда весной 94-го Юрченко и Коган-Ясный впервые огласили в столичной прессе результат их расследования. Публичное опровержение растрезвонил по поручению вожаков Мемориала его активист Семен Чарный, журналист и проповедник Ваад – «Независимого еврейского движения» в России с 1989 года. Он объявил:

«Сведения о высоком числе погибших были лишь мнением двух членов группы, опровергнутым позже материалами, собранными остальными «мемориальцами».

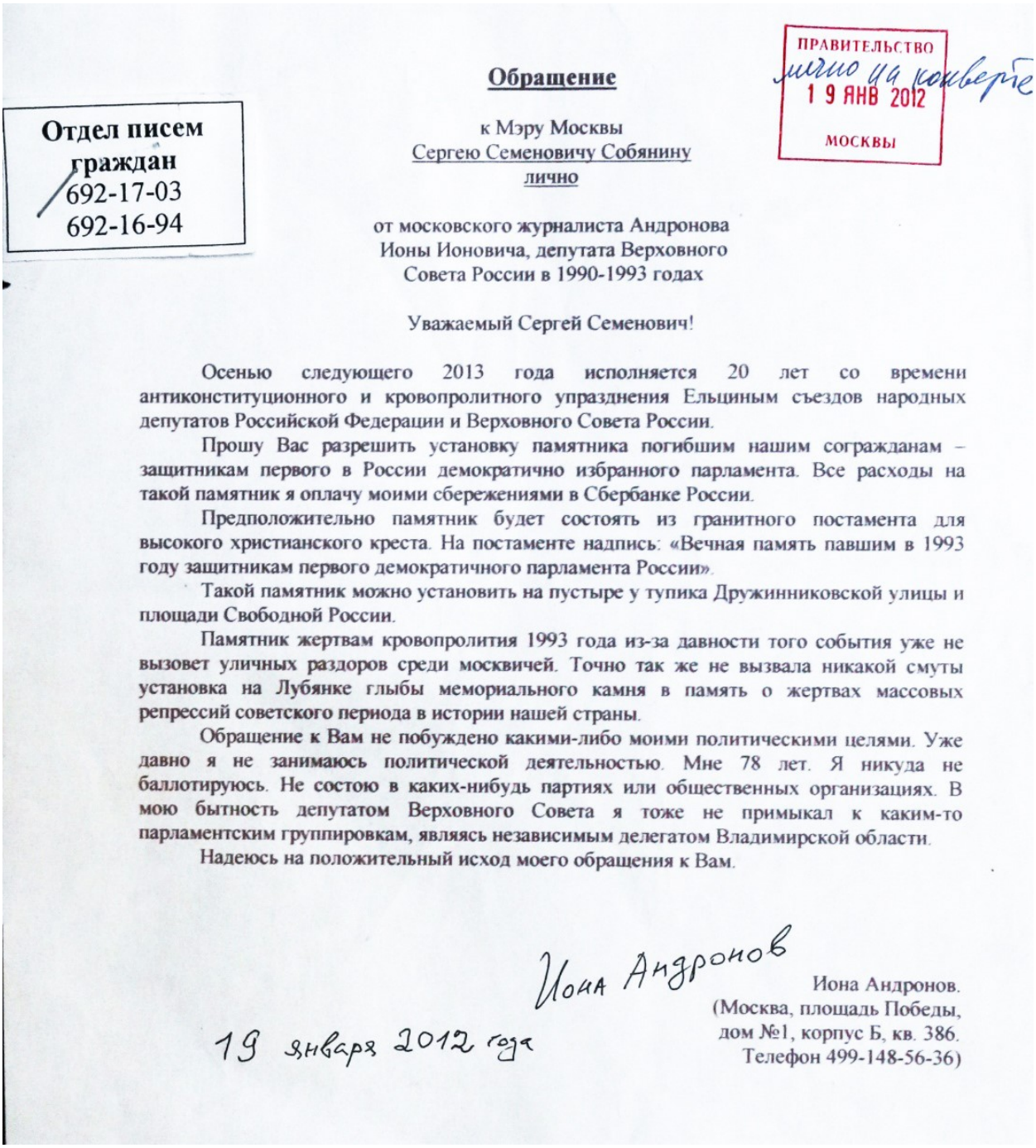
А далее сопредседатель Мемориала ельцинист Сергей Ковалев вообще запрещал десять лет его сотрудникам какие-либо публикации о жертвах кровавого штурма «Белого дома».

«Мемориальцы» изначально расследовали только политические репрессии в СССР 80 лет назад. Более того, они доставили с Соловецких островов в Белом море и установили в Москве на Лубянке памятник жертвам тех репрессий – гранитный Соловецкий камень на постаменте. Возле него они каждый год устраивали траурные антисоветские митинги. Власти им не мешали.

В 2017 году столичный мэр Сергей Собянин ассигновал из городского бюджета 400 миллионов рублей на сооружение второго памятника о сталинских репрессиях – колоссальный монумент из дорогостоящей бронзы длиной в 35 метров и шестиметровой высоты на перекрестке проспекта

академика Сахарова и Садового кольца. Эта махина с 600 фигурами называется «Стена скорби». Скорбящих там почему-то очень мало.

Незадолго до возникновения скорбной достопримечательности я попытался с помощью нашего щедрого мэра тоже создать еще один памятник, однако, без казенных денег методом краудфандинга – сбора добровольных пожертвований через Интернет. Посетил приемную мэра в Вознесенском переулке и вручил его помощнице мое письмо:



Отдел писем граждан
692-17-03
692-16-94

ПРАВИТЕЛЬСТВО
19 ЯНВ 2012
МОСКВЫ
лично на конверте

Обращение

к Мэру Москвы
Сергею Семеновичу Собянину
лично

от московского журналиста Андронова
Ионы Ионовича, депутата Верховного
Совета России в 1990-1993 годах

Уважаемый Сергей Семенович!

Осенью следующего 2013 года исполняется 20 лет со времени антиконституционного и кровопролитного упразднения Ельциным съездов народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета России.

Прошу Вас разрешить установку памятника погибшим нашим согражданам – защитникам первого в России демократично избранного парламента. Все расходы на такой памятник я оплачу моими сбережениями в Сбербанке России.

Предположительно памятник будет состоять из гранитного постамента для высокого христианского креста. На постаменте надпись: «Вечная память павшим в 1993 году защитникам первого демократичного парламента России».

Такой памятник можно установить на пустыре у тупика Дружинниковской улицы и площади Свободной России.

Памятник жертвам кровопролития 1993 года из-за давности того события уже не вызовет уличных раздоров среди москвичей. Точно так же не вызвала никакой смуты установка на Лубянке глыбы мемориального камня в память о жертвах массовых репрессий советского периода в истории нашей страны.

Обращение к Вам не побуждено какими-либо моими политическими целями. Уже давно я не занимаюсь политической деятельностью. Мне 78 лет. Я никуда не баллотируюсь. Не состою в каких-нибудь партиях или общественных организациях. В мою бытность депутатом Верховного Совета я тоже не примыкал к каким-то парламентским группировкам, являясь независимым делегатом Владимирской области.

Надеюсь на положительный исход моего обращения к Вам.

Иона Андронов

Иона Андронов.
(Москва, площадь Победы,
дом №1, корпус Б, кв. 386.
Телефон 499-148-56-36)

19 января 2012 года

Месяц спустя я получил по почте ответ на обращение к мэру за подписью «начальника отдела охраны художественного наследия С.А. Половинкина».

Он возвратил текст моего обращения и сообщил, что фонд сбора пожертвований на памятник погибшим защитникам Верховного совета РФ уже существует с 2002 года под председательством М.И. Смирнова и «может быть реализован по предоставлению гарантии финансирования проекта в полном объеме, включая художественно–архитектурное проектирование, изготовление, сооружение, благоустройство прилегающей территории и церемонии открытия памятника».

Итого, «для этого обозначена сумма в размере 20 миллионов рублей. Тел. для справок: 8-985-780-91-99».

По этому телефону отозвался полковник милиции в отставке Михаил Иванович Смирнов. Я спросил – какое отношение он имел к защите «Белого дома» в день штурма 4 октября 93-го? Полковник сказал:

– Тогда я с группой товарищей находился возле Белого дома ранним утром 4 октября на Краснопресненской набережной. Наша задача состояла в том, чтобы выяснить ситуацию, которая складывалась вокруг Белого дома. Когда на набережную выехали бронетранспортеры и развернулись в сторону Белого дома, мы ушли сквозь них. Мы не попали под обстрел. Удалось остаться в живых.

– Да, – согласился я. – На набережной не было наших баррикадников. Они были позади Белого дома и с флангов. Их перебили в семь утра. В память о них как будет выглядеть ваш памятник?

– Еще не определили. Сперва надо собрать 20 миллионов пожертвований.

– Сколько уже собрано?

– Около четырех миллионов.

– За двадцать лет существования вашего фонда!? Так сколько же еще двадцатилетий вы будете откладывать строительство памятника?

– К сожалению, наши сограждане скупятся…

– А ваши учредители? Кто они?

– Союз советских офицеров.

– Ну, понятно. Они ведь никак не причастны к защите российского парламента. Возникли спустя три года. Накануне президентских выборов появились в качестве агитационного филиала проигравшего тогда лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Сколько вам лет, Михаил Иванович?

– 77.

– Значит, ваш памятник заведомо несбыточен…

Недавно Мемориал, объявленный иностранным агентом, упразднили. Скончался его инквизитор Ковалев. А последыши живы, злопамятны и пока всесильны.

Заключительное резюме знакомого мне историка и научного сотрудника Центрального государственного архива Московской области Валерия Шевченко:

«В трагических событиях сентября-октября 1993 года в Москве погибло не менее 1000 человек. Ельцинскому режиму было что скрывать».

(Валерий Шевченко «Жертвы Черного октября 1993», Москва, 2018).

Ахеджакова: «Мы все просрали!»

Артистка Лия Ахеджакова (Найхем – первоначальная ее фамилия, Лия – «дикая коза», на древнем иврите) стала внетеатрально супер-знаменитой ночью с 3-го на 4-е октября 93-го, когда предыдущим вечером спецназ ельцинистов расстрелял на улице перед телецентром Останкино толпу безоружных сторонников парламента, сразив насмерть 46 и подстрелив 124 раненных манифестантов.

Вслед за тем Найхем-Ахеджакова прокричала истерично со всех российских телеэкранов:

– Сегодня в Москве убивают милиционеров! Убивают журналистов, убивают ни в чем не повинных людей! Сегодня на телевидении убили теток, которые за какие-то копейки стерегли чужие пальто в гардеробе. Им некуда было спрятаться. За что убили? За Конституцию. Убивают оскаленные, озверевшие морды! Что же это за проклятая Конституция?! А где же наша армия? Почему она нас не защищает от этой проклятой Конституции?

– Друзья мои! Проснитесь! Не спите! Сегодня ночью решается судьба несчастной России, нашей несчастной России. Наша несчастная Родина в опасности! Не спите! Нам грозят страшные вещи. Опять придут коммунисты!

Никто в ту ночь не убил, как известно, «теток»-гардеробщиц телецентра. Там расстрелянные ельцинистами защитники «проклятой Конституции» не убили ни милиционеров, ни журналистов, никого. Зато почти по призыву скандальной вруньи Ельцин и впрямь приказал «нашей армии» расстрелять парламент на следующий день, угробив еще сотни, как она их обозвала, «оскаленных морд», защищавших «проклятую Конституцию».

Через полгода полу-Ахеджакова в журнале «Столица» (27.05.1994) дополнила свой телевизионный стриптиз:

«Знакомый журналист спросил меня на днях, насколько изменилась моя жизнь после той ночи в октябре, когда в телестудии на Шаболовке я выкрикнула в горячий эфир все, что думала о мятеже и его зачинщиках. Я ответила, что ничего не изменилось. Я выбирала нашего президента и не хочу ни в чем его упрекать… И я не могу не восхищаться Новодворской: ее геройством и тем, как она верна себе в единоличной борьбе с империей зла, все еще могущественной и опасной».

Двумя месяцами ранее геройская воительница против «империи зла» Валерия Новодворская тоже высказалась на аналогичную тему в московском журнале «Огонек» (№2-3, 1994):

«Я желала тем, кто собрался в «Белом доме», одного – смерти. Я жалела и жалею только о том, что кто-то из «Белого дома» ушел живым. Чтобы справиться с ними, нам понадобятся пули. Нас бы не остановила и большая кровь. Они бы погибли от нашей руки».

Демшиза во главе с Новодворской приветствует бронетанковый штурм парламента

Полу-Ахеджакова не была единственной ночной ведьмой в телестудии ельцинистов на Шаболовке. Там ей проаккомпанировал президент телевизионной компании ВИД Владислав Листьев:

– Политика – это грязное дело. Это расхожая фраза. А сегодня это и кровавое дело. Теперь депутаты Верховного Совета какими бы словами о демократии не прикрывали бы ту кровь, которую пролили их люди, убивая невинных людей, их все равно никогда не простят. Они пролили кровь невинных людей, далеких от политики. За это их уже предали анафеме, прокляли семьи, у которых есть жертвы. Их предали анафеме все люди.

В унисон брехнул давний антисоветчик-западник в амплуа правозащитника Валерий Борщев:

– Есть люди, которые не приемлют наши ценности – демократию, свободу. Эти ценности для них как нож в горле. Они взялись за оружие, пролили кровь. Они фашисты. Наша страна может быть ими порабощена.

Давайте поддержим нашего президента и скажем НЕТ этим людям – фашистам, коммунистам.

Еще одним ночным телевещателем из Шаболовки был назначенный Ельциным в 1993 году председатель кремлевской комиссии по борьбе с коррупцией, он же недавний сексот КГБ с агентурной гомокличкой «Таня» Андрей Макаров:

– Под лозунгом «Вся власть Советам!» уже заливали страну морем крови. И вот опять! Бандиты вышли на улицы, опять убивают. Это фашистские, коммунистические убийцы. У этих людей нет совести. У них руки по локоть в крови. Президент уже сказал: у них фашистская, террористическая организация. Вот уже утро наступает. Хотелось бы, чтобы этого кошмара больше не было. Навсегда! А сегодня должен быть взят Белый дом! Последний оплот коммунизма в нашей стране. Он должен быть взят и разрушен. Не должно быть оставлено никаких возможностей реставрации коммунизма. Если мы отступим, то это будет повторяться еще и еще. Сегодня нужно ликвидировать остаток кровавой коммунистической власти!

Очень отважный ельцинист-антисоветчик Андрей Макаров в октябре 1993 года.

Той же октябрьской ночью из телестудии на Шаболовке бессменный маэстро российских будто бы демократов Григорий Явлинский поспособствовал Ельцину совершить военное преступление – приказать армии вместо обороны государства расправиться с гражданскими соотечественниками:

– Сегодня Ельцин Борис Николаевич должен применить все, что есть в его распоряжении для подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома. Если сил будет недостаточно, необходимо рассмотреть вопрос об использовании вооруженных регулярных сил. Другого выхода у нас сегодня нет. Президент должен проявить максимальную жестокость и твердость в подавлении бандитствующих элементов. Мы должны сегодня убрать насильников с наших улиц, от Останкино и выкинуть их из наших городов!

– Раздавить гадину! – откликнулся по радио «Эхо Москвы» сочинитель модных лозунгов столичной демшизы Юрий Черниченко, литератор и митинговый крикун.

Он инициировал ночью с 3-го на 4-е октября сбор подписей единомышленников под коллективным письмом Ельцину с призывом немедля беспощадно расправиться с депутатами и приверженцами парламента – «красно-коричневыми оборотнями», «фашистами», «убийцами».

Подписантов-карателей набралось аж 42. Все из элиты творческой интеллигенции столицы. Их петицию путчисту и уже военному преступнику Ельцину опубликовала срочно газета «Известия» утром 5 октября:

«Фашисты взялись за оружие, пытаясь захватить власть. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать

нашей юной демократии? Мы должны жестко потребовать от правительства и президента:

Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть запрещены указом президента.

Органы печати такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», телепрограмма «600 секунд» и ряд других должны быть впредь до суда закрыты.

Признать нелегитимными съезды народных депутатов, Верховный Совет и все образованные ими органы, в том числе Конституционный суд».

Подписанты по сей день – кумиры московских и питерских вроде бы демократов: маститые писатели Борис Васильев, Даниил Гранин, Анатолий Приставкин, Григорий Бакланов, Алесь Адамович, Юрий Нагибин, Василь Быков, знаменитые поэты Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Александр Кушнер, Римма Казакова, искусствоведы, журналисты…

Адресат их челобитной немедля расстрелял и поджег парламентский «Белый дом», умертвил множество неугодных ему сограждан, прикрыл непокорные газеты, телепрограммы, общественные объединения.

Столичный и подмосковные крематории уже испепелили останки погибших 3-го и 4-го октября, но невзирая на это челобитчики Ельцина продолжали праздновать его и их убойную победу. Один из них – популярный писатель Юрий Нагибин – возликовал многотиражно:

«Что спасло нас в ночь с третьего на четвертое от уже близкой победы фашистов? Мужественный и умный Егор Гайдар призвал москвичей защищать законную власть и демократию. Призвал к зданию Моссовета

москвичей, готовых стоять насмерть. Генералы-матерщинники из «Белого дома» не отважились бросить на них свою грязную рать – и проиграли.

Коммуно-фашистская нечисть, властолюбцы затеяли в октябре девяносто третьего кровавый переворот в расчете на некий народ, ведомый косомордым трибуном Анпиловым, не народ, конечно, а чернь довольно многочисленную, смердящую пьянь, отключенную от сети мирового сознания, готовую на любое зло. Люмпены – да, быдло – да, бомжи – да, охлос – да, тина, поднявшаяся со дна взбаламученного российского пруда.

Их злоба и разрушительная страсть настояны на яростном шовинизме, из-за неимением ничего другого, этот сброд приходится считать народом. Тем самым великим, богоносным. От лица этого народа говорят, кричат, вопят, визжат самые алчные, самые циничные, самые подлые и опустившиеся из коммунистического болота. Неужели мне хотелось быть частицей этого народа?

Я хочу в евреи. Там светлее и человечней».

(Юрий Нагибин «Моя золотая теща. Автобиографическая повесть», Москва, 1994).

Газета «Подмосковные известия» напечатала 11 декабря 1993 года интервью со звездным бардом и ельцинским челобитчиком Булатом Окуджавой. Его спросили:

– Вы смотрели по телевизору как 4 октября расстреливали «Белый дом?»

– Всю ночь смотрел, – ответил Окуджава.

– Вас не передернуло?

– Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей. И никакой жалости у меня к ним не было. И может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это – заключительный акт о них.

Три года спустя бывший друг Окуджавы писатель-диссидент Андрей Синявский, эмигрировавший в Париж, рассказал корреспонденту московского еженедельника «Аргументы и факты» (19.03.1996):

«Булат Окуджава как-то приехал в Париж, мы встретились, поговорили. Я вам пересказываю его слова: «Конечно, в России никакой демократии нет и, может быть, никогда и не будет, но я за Ельцина по двум причинам: меня печатают, и я могу ездить на Запад, давать концерты и подрабатывать». Немыслимо для интеллигенции так заявлять! Ведь чуть ли не с песен Окуджавы начинались диссиденты».

Наиболее настырный челобитчик Ельцина – литератор Алесь Адамович Адамо́вич – лично порекомендовал Ельцину как по примеру исторического вердикта Нюрнбергского процесса над военными преступниками-гитлеровцами тоже казнить и предводителей обороны «Белого дома», заточенных в тюрьму госбезопасности Лефортово.

Он адресовал Ельцину текст своей статьи «Власть не должна валяться под ногами» в «Московском комсомольце» от 14 октября 1993 года:

«Еще и сегодня, если подойдете к черно-белому «Белому дому», увидите явно обновляемые и дополняемые кем–то надписи на заборах про президента – «жид», «палач», а про мятежников – «ваш подвиг бессмертен» и тому подобное.

Так накачали себя (и еще накачивают) коммуно-фашисты, толкавшие страну на стезю гражданской войны.

Хотелось бы напомнить: Нюрнбергский суд утвердил впервые в истории, до того не существовавшую юридическую норму – ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны.

Так, может быть, суд над компанией, собранной в «Лефортово», окажется именно таким прецедентом – судить их прежде всего за

преступление, самое, возможно, опасное в наше время – за попытку спровоцировать, развязать гражданскую войну. И дать на нашем суде пример, прецедент кары за подготовку и провоцирование гражданской войны? Пора соорудить юридический заслон на пути любых авантюристов, готовых и могущих столкнуть страну, народ в кровавое месиво гражданской войны».

Что случилось далее – об этом рассказал пресс-секретарь Ельцина журналист Вячеслав Костиков:

«Алесь Адамович позвонил мне 14 октября в день публикации его статьи в «Московском комсомольце» с предложением продублировать Нюрнбергский суд и попросил показать статью президенту. Эта публикация была обращена к Ельцину. Зная нерасположенность Бориса Николаевича к чтению больших газетных материалов, я рассказал ему о сути предложения и аргументации Адамовича. Зачитал ему те абзацы, которые особо отметил сам писатель. Идея привлечения мятежников к суду за попытку развязать гражданскую войну, похоже, привлекла Ельцина. Он мне так и сказал: «Со слуха идея нравится».

(Вячеслав Костиков «Роман с президентом», Москва, 1997).

В том же злосчастном октябре назначенный Ельциным новый Генеральный прокурор Алексей Казанник получил директивное письмо из Администрации президента с распоряжением ограничить 10-ю днями следствие против арестованных вожаков обороны «Белого дома», передать обвинительное заключение в Военную коллегию Верховного суда, а самому выступить обвинителем на суде и потребовать для всех подсудимых смертной казни.

Казанник воспротивился:

– Я сижу в кабинете, в котором работал Вышинский. Но я никогда не буду возрождать дух Вышинского.

Вскоре честный законник написал заявление об отставке и улетел из столицы в свой родной Омск. Стал антиельцинистом. Его поступок получил громкую огласку. И это, вероятно, спасло узников Лефортово.

Недавно скончался, к сожалению, знакомый мне уникальный очевидец октябрьского побоища и его достоверный описатель Станислав Сергеевич Говорухин, выдающийся кинорежиссер, общественный и политический деятель.

Он оказался очевидцем расстрела ельцинистами уличной манифестации в Останкино и затем бронетанкового штурма «Белого дома». Об этом правдиво рассказано в его докфильме «Час негодяев» (1993) и книге и докфильме «Великая криминальная революция» (1994). О ней он сказал:

«Это была настоящая народная трагедия. Много жертв. Президентский путч – карательная акция с беспримерной жестокостью. Апофеозом криминальной революции стало 4 октября. Уголовно-мафиозное государство победило».

Вдобавок высказался позже еще так:

– Ленин в 1919 году использовал однажды неприличное словцо в письме к Максиму Горькому: «Интеллигентники, лакеи капитала, мнят себя мозгом нации, а на самом деле это не мозг, а говно». Я никогда не состоял в компартии. Тем не менее полагаю, что и теперь у нас либеральная интеллигенция – говно нации.

Правы, пожалуй, они оба?

8 ноября 93-го Ельцин подписал в Кремле проект новейшей Конституции РФ и добавил в ее текст почти царские суперполномочия для себя. Соавторами текста были самые высокочиновные ельцинисты Сергей Шахрай, Сергей Алексеев, Сергей Филатов, Леонид Мамут, Виктор Шейнис, Анатолий Собчак. Впоследствии наследник Ельцина констатировал:

«Действующая сегодня Конституция принималась в особый период – в условиях острейшего политического кризиса, когда танки стреляли по парламенту и в Москве шли боестолкновения с жертвами».

(ТАСС, 21 июня 2020 г.)

25 лет спустя после бронетанковых родов ельцинской конституции ее сущность уже не скрывала даже антисоветская издавна «Новая газета» (12.10/12.12.2018):

«Конституция вырастает из согласия, а не из штыка. Конституция 1993 года вылетела из ствола танка, стрелявшего по политическим оппонентам. И в этом ее главная проблема, ее неустранимая родовая травма… Исполнительная власть начертала Конституцию так, чтобы более никто и не в чем не мог ей помешать – то есть недемократической. Удивительно, что ее в этом поддержали многие демократы. Президентский вариант Конституции обрел все ключевые самодержавные черты».

Москва. 1993 год. Октябрь.

Весной 1998 года посетил Россию в очередной раз видный американский советолог, русист, историк Маршал Голдман, профессор Гарвардского университета, автор 15 книг о советской и постсоветской России. В интервью «Новой газете» он сказал:

– То, что творится в нынешней России, я не считаю рыночной системой или капитализмом. Ничего такого нет. Это не былая система, но это и не то, к чему вы стремились. Это то, что вы, русские, презираете по праву. Честно сказать, эта система вобрала в себя все худшее из капитализма и коммунизма. Я не знаю, как долго русский народ будет терпеть все это.

(«Новая газета», 15.06.1998).

В октябре 1994 года выдающийся российский социолог и философ Александр Зиновьев опубликовал исторический очерк о «русской контрреволюции»:

«О событиях 3-4 октября 1993 года в России пишут очень мало, а на Западе и вообще ничего. Их замалчивают, игнорируют или занижают до уровня некоего приведения к порядку уголовных преступлений. Между тем октябрьские события 93-го завершили перелом в истории России, который является контрреволюцией по отношению к социальному строю, рожденному в результате революции 1917 года.

Теперь это уже становится предметом гордости для тех, кто считает себя активными участниками перелома. Контрреволюция завершилась под аплодисменты тех, кто фактически стали хозяевами страны!

Когда осуществился заключительный акт контрреволюции, массы российского населения остались пассивными. Миллионы людей смотрели телевизионные передачи о расстреле защитников «Белого дома». Миллионы людей видели, как зверски убивали их собратьев,

дерзнувших восстать против недругов своего Отечества. Они не бросились на улицы помешать расправе.

Нет у России национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. Российские интеллектуалы, за редким исключением, уже в хрущевские годы стали заражаться и заражать соотечественников настроениями антипатриотизма, антисоветизма и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни.

Российская, холуйская по натуре интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 году. Говоря таким образом, я вовсе не призываю моих соотечественников просто восстановить то, что было до 1985 года. Я прекрасно понимаю, что это уже невозможно практически.

Контрреволюция есть свершившийся факт. Контрреволюция в России успешно завершилась в октябре 1993 года. И нам теперь предстоит жить и действовать в условиях посткоммунистической социальной системы. А как действовать, это есть дело совести каждого из нас в отдельности».

(Александр Зиновьев «Завершение русской контрреволюции», Мюнхен, 01.10.1994).

Пророчество Зиновьева почти тридцатилетней давности звучит и поныне злободневно. Да только завершилась ли российская контрреволюция? 16 марта 2022 года Владимир Путин публично заявил:

– Пытаясь «отменить» Россию, Запад сорвал с себя все маски приличия, стал действовать по-хамски, продемонстрировал свою истинную натуру. Они будут пытаться делать ставку на так называемую пятую колонну. На национал-предателей, на тех, кто зарабатывает деньги здесь, у нас, а живет там, и «живет» даже не в географическом смысле этого слова, а по своим

мыслям, по своему рабскому сознанию. Многие из таких людей по своей сути ментально находятся именно там, а не здесь, не с нашим народом, не с Россией. Это и есть, по их мнению – по их мнению! – признак принадлежности к высшей касте, к высшей расе. Но любой народ, а тем более российский народ, всегда сможет отличить истинных патриотов от подонков и предателей и просто выплюнет их, как случайно залетевшую в рот мошку, выплюнет на панель.

Ирония судьбы: десятью днями ранее старуха полу-Ахеджакова заново закатила русофобскую истерику, визжала, гримасничала на русскоязычном видеохостинге You Tube, принадлежащем американцам. В интервью эмигрантке из Москвы в Ригу журналистке Катерине Гордеевой (она же Кришбаум-Фридрих: «Я еврейка со сложно сплетенными корнями») уроженка Украины полу-Ахеджакова прокричала:

– Мы напали на любимую Украину! Я в Харькове пошла в первый класс школы. Там наши танки! Люди прячутся от этих танков. Людей убивают! Ужас! Из-за этого ужаса я по ночам уснуть не могу. Сплю только на снотворном. При моей жизни украинцы не простят русских. И я не прощу! Хочу обратиться к деятелям культуры: ребятки, не молчите! Все равно нам хана! Мы все просрали!

Врала она, как всегда. «Артистка Лия Ахеджакова всегда играет одинаково», – давнишняя эпиграмма ее коллеги Валентина Гафта. Не было в Харькове никаких «наших танков». Никто там не прятался от них, никого не убили танкисты.

В том марте 2022-го казнили в Харькове десятерых российских солдат, плененных восточнее города. Их, угодивших там в засаду, приволокли на городскую базу харьковского спецназа, избили, изрешетили пулями, свалили кучей в лужах крови, прикончили. Палачи засняли агонию военнопленных и

распространили свой жуткий видеоролик в Интернете. Просмотр не для слабонервных.

30 марта украинские головорезы расстреляли еще несколько российских военнопленных близ деревни Дмитровка. И снова запечатлели казнь на видео. Его кадры воспроизвела газета «Нью-Йорк таймс» и удостоверила подлинность съемки. (The New York Times, «Video appears show Ukrainian troops killing captured Russian soldiers», Julian E. Barnes, April 6, 2022).

Спустя неделю многолетний политобозреватель радиостанции «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский, сбежавший в Киев, заявил оттуда по американской радиостанции «Свобода»:

– Украинские войска разогреты до такой степени, что пленных брать не будут. Им я не завидую, они будут уничтожены. Да, в плен не брать! Мочить! Мочить!

Компаньон и соплеменник бесноватого русофоба Ганапольского главный редактор «Эха Москвы» иностранный агент Алексей Венедиктов позволил киевскому «мочителю» радиовещать в России вплоть до закрытия «Эха Москвы» в марте минувшего года по решению Минюста РФ и затем не отмежеваться от преступного дружка в новом видеоканале Венедиктова «Живой гвоздь» на американском You Tube.

Как и прежде Венедиктов, радиопродюсер клича «Раздавить гадину!» – российский парламент, рекламирует на своем «Живом гвозде» подстрекателя армейского расстрела защитников «Белого дома» Григория Явлинского, который теперь милосердно защищает палачей российских военнопленных. И ни слова о сотнях убитых согражданах по вине Явлинского и подобных ельцинистов в 1993 году.

Долголетнюю молчанку о погибших моих сотоварищах сумели навязать современной России двуличные правозащитники-западники Мемориала, московской «Хельсинкской группы», сообщества «За права человека» во главе с былым соратником Ельцина и нынешним иноагентом Львом Пономаревым, телеканал «Дождь», радио «Эхо Москвы» сетевые Twitter, Facebook, Instagram. По выражению полу-Ахеджаковой, этой демшизе, очевидно, «хана».

Однако вся эта клика, по-моему, лишь малая часть сегодняшнего наследия контрреволюции 1993. Она ведь заодно с ельцинизмом возродила историческую традицию тысячелетней Руси – самодержавие.

Впрочем, еще в V веке до н.э. мудрый Сократ изрек: «Каждый народ достоин своего правительства».

15 января 2023 г. Иона Андронов